Танец волка

Автор:
Александр Мазин

Танец волка

Александр Владимирович Мазин

Викинг #5

Он потерял все. Жену, дом, друзей, дружину, корабль… Даже возможность сражаться.

У него осталась собственная жизнь, несколько друзей, таких же израненных и беспомощных, как и он сам. И еще – месть.

Не так уж мало для того, чтобы жить, верно?

«Танец Волка» – пятая книга саги о викинге, мастере клинка Ульфе Черноголовом, оказавшемся на одной палубе и в одном строю с теми, кого вся средневековая Европа считала исчадиями ада.

Александр Мазин

Танец волка

© Александр Мазин, 2014

* * *

Глава первая

Поле смерти

Пепелище. Если копнуть поглубже – угли еще теплые. В углях – обгоревшие кости. Животных и людей. Тела, живые или мертвые, сгорели вместе с усадьбой. С длинным домом, сараями, хлевом… Поле смерти. Здесь она сеяла и жала. Без меня. А я-то думал: мы с ней – накоротке. И в мой дом – никогда…

На берегу остались следы. Человеческие. И от киля драккара.

Набег.

Типичный набег на береговую усадьбу. На мою усадьбу. Викинги.

Здесь оставалась моя жена. Здесь жили мои люди. Теперь – никого. И я не знаю, кто из них жив, а кто – мертв. Будь у меня силы, я рылся бы в пепле, пока не узнал точно: костей моей Гудрун здесь нет. Или – есть.

Но я так слаб, что не могу и десятка шагов сделать, не опираясь на чужое плечо.

Я ничего не могу. Ничего.

Я – Ульф Черноголовый, которого когда-то звали Николаем Григорьевичем Переляком, еще недавно, всего лишь несколько дней назад, был совершенно счастливым человеком. Я был хёвдингом, вождем и предводителем небольшой, но славной дружины, у меня было два корабля, один из которых – настоящий драккар, не боящийся самых жестоких штормов. И я заплатил за него не серебром, а железом. Северный Змей. Я взял его в бою у тех, кто искал моей смерти, а нашел свою. Я бился в одном строю с лучшими воинами этого мира. Я дрался во Франции и в Англии и всегда побеждал. Я был сильным и удачливым. А главное – женатым на самой красивой, самой лучшей женщине в этом мире. Гудрун…

Теперь я сижу на пепелище и перебираю теплые угли левой рукой, потому что правая по локоть забинтована…

– Что будем делать, отец?

Это Вихорёк. Мой приемный сын. Он – из словен. Был рабом у франков, но я освободил его и усыновил. Ему не больше пятнадцати, но он уже неплохой воин. Единственный из моего хирда, кто остался на ногах.

– Что будем делать?

Поодаль топчется наемная команда. Десять парней, которым заплатили, чтобы они перегнали кнорр с ранеными из Сконе сюда, в мое поместье. Не считая Вихорька, нас осталось всего семеро. Мой побратим и шурин Свартхёвди Медвежонок, норег Гуннар Гагара, араб Юсуф, сёлундцы Стюрмир, Скиди и Хавур Младший. Все они ранены, и раны их тяжелы. Несколько дней назад эти раны не мешали им убивать врагов. Но то был бой. А теперь лишь Стюрмир да я можем ненадолго встать на ноги. Да и то с чужой помощью. На берег гребцы снесли нас на руках.

– Виги, – я называю Вихорька его скандинавским именем, – нам нужна помощь. Ты отправишься в усадьбу госпожи Рунгерд и приведешь ее. Если поторопишься, успеешь до темноты.

Я не хочу даже думать, что и там может быть такое же пепелище. У Рунгерд – большой одаль. Много сильных мужчин, среди которых несколько воинов. Там есть кому защищаться.

Защищаться… Вот что меня смущает. Я не вижу следов того, что усадьбу брали штурмом. Дом и постройки сгорели, но ворота – целехоньки. Конечно, через такой забор, как у меня, можно и перелезть, хотя теперь он повыше и покрепче, чем был, когда я покупал эту землю. И по-настоящему сильных бойцов в усадьбе не осталось, но и бонды, и трэли должны были знать: нападение возможно. И, уходя в поход на Сконе, я велел Гудрун, чтоб были начеку. Сторожить круглые сутки. Особенно – со стороны моря. Если закрыть ворота, то даже плохие бойцы могут какое-то время продержаться.

– Я никуда не побегу! – заявляет Вихорёк. – Я вас не оставлю!

– Побежишь, – устало говорю я. – Но сейчас вот что… Поищи-ка чужие стрелы…

– Ага! – Вихорёк решил, что я по стрелам хочу узнать, кто это сделал. Такое возможно…

Но не сегодня.

Через четверть часа паренек возвращается. Он очень удивлен. Осмотрел частокол снаружи, землю во дворе… И не нашел ни одной стрелы. Тогда умный мальчик решил поискать не чужие, а наши стрелы. Снаружи. И тоже ничего не нашел.

– Они как будто не оборонялись… Колдовство?

Скорее, предательство. Небось пообещали, что никого не тронут…

– Кому тут было обороняться… – басит Стюрмир. – Бабы да трэли…

– Здесь оставался отец Бернар… – напоминает Вихорёк.

Отец Бернар – монах. И великолепный лекарь. Я привез его из Франции. Он сам решил так. Мечтает обратить нас в христианство. Однако до того, как стать монахом, отец Бернар был воином. И я подозреваю, что не просто воином, а шевалье. Рыцарем… Но, приняв обет, больше не отнимает жизни, только спасает… Вот и спасал бы. С оружием в руках…

Вихорёк со Стюрмиром затевают спор… Который я прерываю:

– Всё, дренг! Бегом за Рунгерд. Со всех ног!

Вихорёк опять пытается протестовать, но я показываю на раненых и говорю: промедлишь, они умрут. И Вихорёк затыкается. Так и есть. Нам остро нужна медицинская помощь. Юсуф – при смерти, Скиди и Хавур – тоже совсем плохи. Я надеялся, что здесь нас встретит отец Бернар, но теперь вся надежда только на Рунгерд. Мать Гудрун – отличная лекарка. И не просто лекарка – знахарка и колдунья. Ее бабка была настоящей финской вёльвой, и Гудрун утверждает, что все бабкины знания и таланты достались матери.

Только бы Рунгерд не постигла та же беда… Надеюсь, что нет. Все же ее одаль не имеет удобного выхода к морю…

– Хёвдинг…

Старший команды сконских гребцов. Его зовут Барни. Барни Средний. Для него я всё еще хёвдинг.

– Хёвдинг, скажи, чем мы можем помочь?

«Помогите похоронить мертвых», – сказал бы я, но кости подождут. Может, попросить Барни побыть с нами, пока не вернется Вихорёк? Я бы попросил, если бы он не назвал меня хёвдингом. Вожди о таком не просят. Во всяком случае – бондов.

– Сделайте навес из запасного паруса и перенесите под него раненых, – сказал я. – А потом можете возвращаться домой.

Возвращаться они будут тоже морем. На парусной четырехвесельной лодке. Конечно, на такую ораву лодка маловата, но плыть недалеко. Заплатили им вперед. Это такой мир: чужого могут зарезать за пару серебрушек, но со своими все договоренности – это святое. Боги же слышат…

– Ага, – кивнул головой Барни. – Только мы, пожалуй, останемся здесь на ночь. Я видел следы волков. Волчья шкура мне бы не помешала.

Угу. Осенняя волчья шкура – это особенно ценно. Под ноги плешивый коврик подстелить. Очень тактично, однако. В моем нынешнем состоянии я всё еще могу убить волка, если тот полезет на меня. Но защитить товарищей – вряд ли.

– Оставайтесь.

Вихорёк бегает, как викинг. То есть примерно от шести до двенадцати километров в час. В зависимости от рельефа. До усадьбы Рунгерд километров двадцать пять, если по дороге, а если напрямик – то не больше пятнадцати. Но не факт, что так будет быстрее. Часа два, это наверняка. Потом еще час, чтобы собраться… И обратно они двинут уже конно. Это еще часа два. К этому времени

уже стемнеет…

Барни меня разбудил раньше, чем стемнело.

– Кто-то едет, хёвдинг! – сообщил он напряженно.

Его люди сгрудились в кучу, блокируя ворота, выставили копья. Они, конечно, бонды. Но – скандинавы. Значит, вооружены и готовы пустить оружие в ход. Однако даже для трех-четырех настоящих воинов вся эта грозная ватага – на один зуб. Да что там… Одного меня хватило бы, будь я в форме.

А конных, судя по звуку, не меньше дюжины.

Пару минут спустя я их увидел. Поверх голов сконцев-гребцов. Увидел настоящую броню на первых двух всадниках и понял, что если это враги, то нам крышка.

– Отец!

Вихорёк вырвался вперед, обогнав передовых, спрыгнул с коня. Строй сконцев рассыпался. Я услышал облегченные выдохи. Эти парни тоже знали: окажись всадники врагами – никаких шансов.

Первый боец сдвинул на затылок шлем. Гнуп Три Пальца. А второй…

– Рунгерд!

– Свартхёвди?

Я показал.

Рунгерд опустилась на колени, прижалась ухом к груди сына…

– Хавчик!

– Мой господин!

– Хавчик, кто это сделал?

– Не знаю, господин! – На лице моего раба искреннее горе. – Мы увидели дым, но не поняли сразу, что горит. Думали – это смолокуры…

– А где был ты?

– Гудрун, мой господин, – Хавчик вздохнул сокрушенно. – Послала меня договориться с углежогами.

Вид у него был виноватый. Как будто мой мелкий раб мог бы что-то изменить.

– Я рад, что ты – жив.

Это хорошая новость. Хавчик – везунчик. Потому что его не было в усадьбе во время налета. Все остальные – были.

Еще одна хорошая новость: одаль[1 - Одаль – наследственный семейный надел.] Рунгерд и Свартхёвди не пострадал.

На этом хорошие новости заканчивались. И начиналась беда.

Рунгерд вряд ли было легче, чем мне, но она – сильная женщина и понимала, что скорбеть некогда. Надо спасать тех, кого можно спасти.

Через три часа высококвалифицированная, по местным меркам, медицинская помощь была оказана всем раненым. Включая меня.

Разбинтованная рука выглядела ужасно. Меня это не удивило. Болела она знатно. Но, к моему удивлению, Рунгерд больше обеспокоил порез на левом боку, хотя железо прошло неглубоко – до ребер. Да и болел бок, в сравнении с рукой, очень умеренно, и рана уже начала затягиваться. Вообще, все мои многочисленные ранения оказались поверхностными. И это было не столько

везение, сколько – заслуга самых лучших доспехов этого времени. В чем мне действительно повезло, так это в отсутствии серьезных переломов. Когда тебе со всей дури зафигачат топором по тушке, доспех, может, и выдержит, а вот то, что под ним, – не факт. Значит – не зафигачивали. Целы мои косточки. В основном. Два пальца на руке сломаны, но это – мелочь.

В общем, моя рука Рунгерд не озаботила, а вот рану на боку она вскрыла, вычистила (я старался сохранить лицо, но время от времени кривился и порыкивал) и зашила по новой.

Кстати, мною Рунгерд занялась в последнюю очередь. По ее понятиям, я был самым «легким» из уцелевших. Так что, обрабатывая меня, Рунгерд параллельно выдавала прогноз по остальным пациентам.

Медвежонок – в тяжелом состоянии. Перелом двух ребер и левой руки, множественные травмы мягких тканей, серьезная кровопотеря… Которой не было бы, если бы его сразу перевязали. У берсерков в боевой фазе раны практически не кровоточат.

Однако Рунгерд уже знала, как было дело, потому не удивлялась. Сконцы ведь готовили нас не для полноценной жизни, а для мучительной смерти, так что медицинская помощь была минимальной. Но прогноз по своему сыну Свартхёвдиона выдала оптимистический. Побочный эффект «берсеркерства» – ускоренная регенерация. И, надо полагать, повышенный иммунитет, потому что раны у берсерков не загнивают, если их правильно обработать. Так сказала Рунгерд, и я ей верил. У нее был соответствующий опыт. Покойный муж был тоже из «воинов Одина».

Хуже обстояло дело с моим лучшим учеником Скиди. Многочисленные раны, причем две опасные: в спину пониже лопатки и в бедро. А еще одна – очень опасная: в брюшную полость. Та, к счастью, не воняет, так что есть шанс, что парень выкарабкается.

А вот здоровяк Стюрмир выздоровеет точно. И уже через месяц сможет встать в строй. Аналогично – Гуннар Гагара.

На этом оптимистические прогнозы иссякли. Рунгерд честно заявила: двое оставшихся, Хавур и Юсуф, скорее всего – покойники. За Хавура Рунгерд еще

поборется – попросит богов, а вот за Юсуфа просить некого. Его бог остался далеко на юге.

– Но ты все же попытайся, – попросил я.

Рунгерд поцеловала меня в щеку и шепнула, что сделает всё, что сможет. Мне стало трудно дышать. Волосы Рунгерд пахли тем же благовонием, что и волосы Гудрун на нашей свадьбе…

Внучка финской вёльвы-колдуньи угадала мои мысли.

– Ты поправишься, – пообещала она. – И отомстишь!

Но что мне месть? Разве месть вернет мне любимую?

– Вели поискать в углях, – попросил я. – Если она умерла, я должен это знать!

– Гнуп уже ищет, – сказала Рунгерд. – Поешь. Ты должен снова стать сильным. Боги сохранили тебя для того, чтобы ты отомстил за мою дочь!

Для Рунгерд моя жена уже была мертва. И это было плохо, потому что Рунгерд – колдунья и может видеть то, что скрыто.

Но я хочу не мстить, я хочу вернуть Гудрун!

– Ты чувствуешь, что её нет в живых? – спросил я напрямик.

Рунгерд покачала головой.

– Убили или увезли, неважно. Она скорее убьет себя, чем станет рабыней-наложницей. Я не знаю, жива ли она, но я знаю свою дочь.

В этот момент Хавчик кормил меня с ложечки. И я чуть не подавился, когда Рунгерд это сказала. К сожалению, так и есть. Если моя жена еще жива, то ей осталось недолго. Она – из рода викингов, а из них – плохие рабы. Даже прикованные к веслу галеры, они всё равно остаются опасными. Потому что с

легкостью обменяют свою жизнь на смерть врага.

Последнее, что я помнил: в темноте меня укладывали на телегу.

Глава вторая,

в которой Ульф принимает гейс и нежданного гостя

Очнулся я только через три дня. Рунгерд поила меня травками, чтобы я не просыпался.

– Тебе нужно было отдохнуть, – пояснила она.

– Как Свартхёвди?

– Спит. Он поправится.

– А остальные?

– Будут жить.

Она постарела, королева Рунгерд. Морщинки вокруг глаз, уголки рта опустились, глаза больше не сияют… Я знаю, что Медвежонок для нее много дороже Гудрун, но дочь она тоже любила…

– Все – выживут? Даже Юсуф?

– Все.

В голосе ни радости, ни гордости.

– Хочешь есть?

Я хотел. Рунгерд распорядилась, и мне принесли сваренную на бульоне кашку.

– Я приказала убрать твой кнорр в сарай, – сообщила Рунгерд.

– Спасибо!

До следующей весны я точно никуда не поплыву. Да и не с кем. У меня больше нет хирда. И нет никого, кого я мог бы попросить помочь. Мой хирд, мои соседи, которых я повел на Сконе… И которые почти все там остались.

Конечно, у меня были деньги. Уцелели даже те, что были прятаны в усадьбе. Злодеи их не нашли. Но это не радовало. О деньгах знала только Гудрун. То, что они – на месте, – косвенное доказательство того, что она мертва. У живой Гудрун враги сумели бы выпытать место схрона. Что-что, а это викинги умеют.

Деньги пригодятся. К весне я, скорее всего, уже поправлюсь и смогу действовать. Это значит – купить драккар, нанять или собрать команду и плыть… Мстить. Вот только куда? Со временем станет ясно. С началом судоходства начнется на побережье обмен информацией. Мои деньги, связи моих родичей… Может, и Рагнар поможет. Или Стенульф. Логика подсказывает: те, кто напал на мой гренд, были в курсе, что меня там нет. Ни меня, ни моих людей. Следовательно, это кто-то из наших врагов-сконцев. С большой долей вероятности. Если это так, то Каменный Волк вынюхает. Он ведь тоже, считай, наш родич.

– От Стенульфа – никаких вестей?

Рунгерд покачала головой.

Хотя это я тороплюсь… Рано еще. Гребцы только позавчера вернулись на Сконе. Допустим, Каменный Волк с ними повидался (а как же иначе?) и узнал о том, что случилось. Требуется время, чтобы выяснить, кто из сконцев набежал на мое поместье. Если, конечно, это были сконцы…

«Лежи и лечись», – приказал я себе.

Ну да, это было не то что правильным – единственно возможным решением.

Ждать весны. И ждать хоть каких-нибудь вестей. Если Гудрун жива… То до весны она вряд ли доживет. Ее мать права: такие, как моя жена, не умеют жить в рабстве. Мне остается только надеяться…

– Рунгерд, что говорят руны? – спросил я. – Ты спрашивала?

Конечно, спрашивала. Но результата я не узнал.

– Пей и спи, – заявила Рунгерд, глядя мне прямо в глаза. – Скоро тебе понадобятся силы.

Скоро – это вряд ли. До весны еще до-олго…

На следующий день я проснулся сам. И сам поел. И сам сходил на крылечко. Цепляясь за стены, но сам. Жить буду. Рука почти не болит, это наверняка снадобья Рунгерд. Природные анестетики плюс немного колдовства.

Как же так вышло, что я всё потерял? Гудрун, хирд, собственную силу… И во всем виноват сам. Какого хрена я поддался уговорам и поперся грабить Торкеля? Что мне стоило собрать своих, загрузиться на Северного Змея и вернуться домой? Молодожен, блин!

Сердце просто на части рвалось. Гудрун, моя Гудрун!.. Мог бы – в одиночку помчался бы в Роскилле, собрал новый хирд… Не могу. Слабость чертова… Еле-еле до крыльца дошел – отлить…

«Не смей впадать в уныние! – велел я себе. – Она – датчанка. Потомок многих поколений скандинавских воинов, главное достоинство которых – умение выживать. А ты, бывший хёвдинг, бери пример с Рунгерд. Посмотри, как она держится!»

Сам я продержался еще три дня.

Три дня и три ночи. Я думал о Гудрун. И наконец она мне приснилась. Она бежала ко мне и смеялась. А между нами был обрыв. Я кричал ей, хотел предупредить, но она не слышала… Я видел, как она падает. Слышал ее крик… А потом прыгнул вниз… И проснулся.

В тот день я дошел до ручки, заистерил, нарычал на Рунгерд…

А она – заплакала.

Только однажды я видел, как королева Рунгерд теряет самообладание. В тот день, когда стало ясно, что Медвежонок стал берсерком.

Этот раз был вторым.

И я понял, какая я дрянь. И услышал, как скрипят зубы. Мои.

Хватит! Я – воин, а не тряпка! Я не могу вернуть прошлое, но свое будущее я создаю сам. И я сделаю все, что от меня зависит. Железом и золотом. Огнем и кровью. Всё, что у меня есть, я вложу в это дело. В спасение, если это возможно. В месть, если спасать некого.

Я схватил Рунгерд за руку и потребовал:

– Дай мне меч и помоги встать.

Она послушалась. И плакать перестала. Вероятно, что-то такое было в моем голосе.

Минутой позже я поставил ногу на деревянную колоду, изображавшую стул, положил левую, здоровую руку на оголовье Вдоводела, возвращенного мне Каменным Волком:

– Я, Ульф Вогенсон, прозванный Черноголовым, даю эту клятву пред всеми, кто меня слышит, людьми и богами в том, что не успокоюсь, пока не узнаю, кто напал на мой гренд и погубил моих людей. Не успокоюсь, пока не узнаю, что случилось с теми, кого они забрали, и не покараю совершивших беззаконие без жалости и пощады! Я клянусь, что у меня не будет других женщин, пока я не

найду мою жену или не узнаю наверняка, что она мертва!

И будто током ударило. Причем не в левую руку, а в правую. Да так сильно, что я содрогнулся. И увидел моего Волка. Белый зверь оскалился яростно, угрожающе… И я понял: он сердится не на моих врагов – на меня. Моему неведомому мистическому покровителю не понравилась моя клятва.

Но дело было сделано, гейс принят, и обратно дороги не было.

И словно в подтверждение того, что клятва одобрена, в поместье приехал Ивар. Ивар Рагнарсон. Ивар Бескостный. Вот уж кого я меньше всего хотел бы сейчас видеть…

А зря.

Глава третья

Клятва Ивара Рагнарсона

Ивар приехал с дюжиной головорезов, но вошел в дом один.

Настоящий конунг. Серебряный с золотом панцирь, штаны ярчайшей синевы заправлены в красные, с серебряными узорами сапоги. Пояс так щедро украшен серебром, что кожи не видно. В оголовье меча – красный камень размером с голубиное яйцо. Цепь на шее – из червоного золота. Рукава бархатного плаща прихвачены браслетами. Тоже золотыми. Словом, вид истинно королевский. Разве что вместо короны – легкий шлем с выпуклым золотым львом.

– Я буду говорить с ним наедине, – не слишком вежливо объявил Рагнарсон. Но спорить с ним никто не стал. Даже хозяйка, Рунгерд.

Длинный дом вмиг опустел.

Остался Медвежонок, но он – не в счет. Его душа – не здесь. Витает в горних мирах после материнских настоек.

Старший сын Рагнара Лотброка пододвинул колоду, на которой я вчера принес клятву мести, уселся, расставив ноги:

– Что, Ульф-хёвдинг, иссякла твоя удача?

Я молчал. Что тут скажешь?

Впервые за всё время нашего знакомства я его не боялся. Что может отнять у меня дракон? Жизнь? Да забирай!

– Удивлен?

– Нет.

Так и есть. Меня теперь мало что удивит.

– А я подарок тебе привез.

Лицо у него совсем молодое. Ну да, ему же чуть больше двадцати. А глаза. Ну дракон и есть дракон. Ящер.

– Подарок. На свадьбу.

На скамью лег мешочек с серебром.

– Не ждал, Черноголовый?

– Ну почему же… – выдавил я.

– Я ведь и рассердиться могу, – напомнил Ивар. – Уж не думал ли ты, Ульф-хёвдинг, что слово Рагнарсона – горсть песка на ветру?

Я молчал. Наказать меня сейчас – проще простого. Один раз по голове тюкнуть. Хотя такой, как Ивар, мог бы без проблем убить меня и когда я был в полной силе. Я вообще не знаю никого, кто способен ему противостоять. Разве что его брат Бьёрн…

– Твоя доля выкупа от конунга англов, – сообщил Ивар. – Как обещал.

– Благодарю, – произнес я равнодушно. Деньги у меня и так есть. Но то, что мне надо, за деньги не купишь.

Ивар явно чего-то ждал от меня. Чего? Более пылкой благодарности? У меня не было настроения ни гадать, ни пресмыкаться. Так что он первым нарушил молчание:

– Я ведь тебе еще кое-что обещал, Ульф-хёвдинг. Не помнишь?

– Нет… Прости.

– Я обещал тебе, что со всяким, кто польстится на твою женщину, я обойдусь так же, как я обошелся с обидчиком моей Лив.

Да, было что-то такое после моей драки с Гримаром Скаммхальсом, который возомнил, что сможет стать мужем Гудрун, если меня прикончит. Ивар тогда захотел, чтобы я пошел с ним грабить англичан. И я не рискнул ему отказать. Особенно после того, как он объявил: всякий, кто посмеет в мое отсутствие покуситься на Гудрун, пожалеет о том, что родился на свет.

– …Так же, как я обошелся с обидчиком моей Лив.

Лив – одна из наложниц Ивара. Какой-то отморозок спьяну… польстился. Ивар его наказал. Да так, что даже папа Рагнар укорил сына за жестокость.

Я попытался вспомнить, как именно было сформулировано обещание Ивара. Это было важно. Скандинавы стараются выполнить клятву с юридической точностью. Буквально. Точность исполнения контролируется богами, и расправа с клятвопреступниками неотвратима, как приход зимы. Так они думают, и у них есть на то основания.

А что там было сказано? Если я поплыву с Иваром в Британию, то всякий, кто посмеет… И так далее. Без всяких оговорок и дополнительных условий. Кто-то посмел, и теперь Ивар пришел исполнить обязательства. И плевать, что я сам оставил Гудрун без защиты. Всякий, кто покусится…

Я вдруг почувствовал: где-то внутри моего измученного организма просыпается свирепая надежда. Где-то там, на поле проигранной битвы, вновь запела труба, сзывая рассеянное войско. Вчера я поклялся отомстить, не зная, как я это сделаю, но зная – должен. И вот теперь боги, или судьба, или… Да какая разница, кто… Дает мне шанс.

Не так. Не шанс – уверенность. Потому что Ивар Бескостный – это как заполучить всесокрушающий молот Тора.

У меня даже рука болеть перестала. Ивар Бескостный! Да у него свои люди во всей Дании. И любой здешний ярл, который лишь губы скривит, если я попрошу его о помощи, примчится со всех ног, если старший из Рагнарсонов просто пальцем поманит.

Только что у меня не было ничего, кроме моей клятвы. И меня самого, не способного самостоятельно подпоясаться. А теперь за моей спиной – самый страшный, нет, самый грозный конунг Дании. После Рагнара, конечно.

– Расскажи, как это случилось, – предложил Ивар. – Я должен знать.

Я рассказал. Всё как есть. Не так уж много. Учитывая, что о случившемся на Сконе он уже знал от отца.

Ивар выслушал меня очень внимательно и подвел итог:

– Ты поступил как должно, Ульф-хёвдинг, но тебе не повезло. И я знаю, почему так вышло.

Я спросил: почему?

– Один, – объяснил Рагнарсон. – Отец Воинов – не твой покровитель.

Я смотрел в неподвижные глаза Ивара и видел дракона. Дракон ухмылялся.

– Я не знаю, кто сжег твою усадьбу, – сказал Ивар, растягивая губы в улыбке. – Я не обещал беречь твое имущество. Но тот, кто покусился на твою жену, должен ответить. Неважно, жива она или мертва, сгорела или умерла позже. Я поклялся и сдержу клятву. Сам я не могу отправиться на поиски… – Тут Ивар сделал паузу: вдруг я буду настаивать на его личном участии?

Я не стал. Я понимал: клятва клятвой, но он – большой человек и у него большие дела. Будущее завоевание Англии, например. Да и как можно на чем-то настаивать, если говоришь с драконом? Кто может знать его мысли? А вот, если ты случайно окажешься у него под лапой, результат очевиден.

Ивар убедился, что я не собираюсь возражать, и продолжил:

– Ты дружен с моим хёвдингом: Красным Лисом из Скоген Лифер.

Скоген Лифер, Плотный Туман. Так скандинавы называли Ирландию.

– Да, это так, – подтвердил я.

Не то чтобы дружен… Но отношения у нас неплохие.

– Красный Лис и его люди займутся этим делом. Лиса же не зря называют Лисом. Он умен, хитер и неутомим. Почти как я, – Бескостный вновь улыбнулся. Так улыбается дракон, перед тем как выдохнуть пламя. – Он знает, что нужно делать, а если он ошибется, ты его поправишь. – Тут Рагнарсон окинул забинтованного меня изучающим взглядом и резюмировал: – Ты сможешь.

– Я не могу ни биться, ни грести, – предупредил я. – Даже застегнуть пояс сам не могу. Но конечно, я пойду с ним!

А как же иначе. Это мое дело и мой гейс.

– У Лиса хватает хирдманов, чтобы вращать весла и железо, – заявил Ивар. – Ему понадобятся твои глаза, твой ум и твой язык, а их, как я вижу, сконцы не тронули. Тот, кто напал на твой гренд, захватил кого-то из твоих людей.

– Или убил всех.

Ивар глянул на меня с сомнением. Сомнением в моем здравомыслии. Ну да, зачем уничтожать то, что можно продать. Бывают исключения. Например, когда весь навар жертвуется, скажем, Одину. Но тогда усадьбу не разграбили бы.

– Тот, кого мы ищем, захватил твоих людей, – терпеливо повторил Ивар, и я поспешно кивнул. – Возможно, он захочет кого-то продать, – продолжал Бескостный. – На его месте я сделал бы это где-то поблизости. Рабов бы продал, но задерживаться не стал. Пусть даже твой враг ничего не знает о моей клятве, но моему отцу не нравится, когда кто-то бесчинствует на Сёлунде. И об этом знают все.

«Особенно Мьёр-ярл, с помощью которого Рагнар и устроил провокацию, позволившую ему захватить здоровенный кусок Сконе», – подумал я.

Но мысль эту, естественно, не озвучил.

– Вы с Лисом побываете на всех крупных рынках рабов в Сконе, – сказал Ивар. – Ты наверняка сумеешь опознать своих людей или хотя бы описать их, чтобы знать, о ком следует предупредить, если их выставят на продажу.

Отличный план. Если всё получится, я смогу узнать имя своего врага. И, возможно, взять его след.

– Сегодня я и мои люди воспользуемся гостеприимством дочери Ормульфа Хальфдана, – сообщил старший сын Рагнара Лотброка, – а завтра отправимся в обратный путь. Ты поедешь с нами. И будет неплохо, если дочь Ормульфа погадает мне. Слыхал: Асы[2 - Напомнинаю, что Асы – высшие божества скандинавской мифологии.] с ней накоротке. Один из них даже наградил ее сыном? Или то был ван[3 - Ваны – тоже скандинавские боги. С Асами то в союзе, то в войне. Но в целом – позитивны. В отличие от великанов-йотунов, например.]?

– Теперь это мой сын, – уточнил я на всякий случай.

Дракон поглядел на меня задумчиво. Но никак не откомментировал.

Встал, некоторое время глядел на спящего Медвежонка, потом изрек:

– Он – тоже.

– Что – тоже? – спросил я.

– Поедет с нами в Роскилле.

– Он – в беспамятстве. Не стоит его трогать.

– Завтра он очнется, – уверенно заявил Ивар. – Поедет с тобой на одном возу. И я передумал: мать его – тоже поедет. Мне потребуется ее помощь в одном деле.

И вышел. А через минуту вошла Рунгерд.

Очень напряженная, я бы даже сказал, испуганная. Немудрено. Ивара побаивались даже его собственные хольды.

Я передал наш разговор. Она выслушала и кивнула. Она наверняка знала об Иваре не меньше меня. Вполне достаточно, чтобы не спорить с драконом.

Понравилось ли ей распоряжение Рагнарсона? Не знаю. Выслушала, встала и занялась организацией расширенной трапезы. Гостей следовало накормить, и накормить качественно. Особенно таких гостей.

Глава четвертая

Руны говорят

– Я видел его смерть, – чуть слышно, почти не шевеля губами, произнес Ивар. – Змей плюнул в него ядом, а он не успел подставить щит. Я видел его тело, распухшее от змеиного яда. Позорная смерть. Видела ли ты что-нибудь подобное в своих снах, мудрая женщина? Слышала ли ты когда-нибудь, чтобы

кто-то видел подобный сон?

– Боги насылают нам сны, – не поднимая глаз, проговорила Рунгерд. – Ты – конунг, и у тебя сны конунга.

Ее пальцы играли с выложенными на доску рунами. Передвигали, меняли местами, гладили ласково и чутко: словно пытаясь угадать, какой именно знак вырезан на другой стороне пластинки.

– Это не ответ.

Рунгерд подняла голову. Поглядела на сына Рагнара так, как смотрят на пламя, когда хотят разглядеть в нем огненную ящерицу.

– Ты знаешь, что поют скальды о твоем отце, Ивар-конунг, – сказала она. – О том, как он убил змея, чтобы получить в жены свою первую жену, дочь Херруда, ярла гаутов?

– Мало ли что поют скальды…

– Они поют то, что вкладывают в их уста боги, – напомнила Рунгерд.

– Или то, что мы хотим услышать, вкладывая им в руки серебро.

– То есть ты точно знаешь, что змея не было?

– Я точно знаю, что многие из ярлов, тех, кто раньше считал, что Рагнар слишком молод, чтобы унаследовать власть после своего отца Сигурда Кольцо, после женитьбы отца на Торе Горной Оленице переменил свое мнение.

– Выбери три руны, – потребовала Рунгерд.

Ивар подчинился. Движение его было настолько быстрым, что Рунгерд успела лишь разглядеть, как взлетели над доской три белые пластинки из моржовой кости и одновременно упали на подставленную ладонь. Ивар на руны даже не взглянул.

– Что там? – спросил он.

Рунгерд долго разглядывала врезанные в моржовую кость бороздки, выкрашенные Иваровой кровью. Потом подняла взгляд и произнесла вполне уверенно:

– Месть сделает тебя великим конунгом!

– А мой отец? – бесстрастно поинтересовался Ивар.

– Его я не вижу. Он слишком велик. Но и он умрет.

– Все умрут, – в голосе Ивара впервые послышалось нетерпение. – Я хочу знать: умрет ли он позорной смертью или будет пировать в Асгарде?

– Скажи мне, сын Рагнара, веришь ли ты в силу Асов?

– Конечно!

– А в их мудрость?

– К чему твои вопросы?

– А скажи: ты станешь отказываться от доброго хирдмана лишь потому, что ему в битве разбили щит?

– Нет, не стану.

– Тогда почему ты считаешь, что Один откажется от доброго воина лишь потому, что того угораздило во время битвы поскользнуться, упасть со скалы и сломать себе шею? Или сгореть в пожаре? Или умереть от старости в собственной постели?

– Я уже слыхал такое, – в голосе Ивара прозвучало нетерпение. – Но почему тогда говорят, что в Валхаллу уходят лишь те, что погибли с оружием в руке?

– В Валхаллу забирают воинов, – сказала Рунгерд. – Как узнать воина? Только ли – по оружию? Разве, отложив в сторону меч, твой отец перестает быть воином?

– Воистину ты мудрая женщина, Рунгерд, дочь Ормульфа, – Ивар усмехнулся. – Ты не смогла мне рассказать ничего о том, что я хотел знать. Но поведала мне достаточно, чтобы я не чувствовал, что зря потратил время. И еще поведала, что руны говорят: помощь твоему зятю сделает меня великим конунгом.

– Я так сказала? – удивилась Рунгерд. – Я вообще ничего не говорила. Я лишь истолковала то, что сказали выбранные тобой руны. И я ничего не говорила о муже моей дочери. Но если ты мне не веришь: взгляни сам. Ты ведь знаешь руны не хуже скальда.

– Нет! – Широкая ладонь перевернулась, руны упали на доску, и движение руки Ивара тут же смешало их с остальными. – Я слышал твои слова. Но не видел знаков. И я по-прежнему свободен в своих решениях. Однако ответь мне на один вопрос, мудрая женщина. Ты только что сказала: муж моей дочери. То есть ты думаешь, что она жива.

– Она жива, – спокойно ответила Рунгерд. – Теперь я это знаю. Я молила богов о помощи. Просила дать знак. И боги услышали.

– И каков был их ответ? – заинтересовался Ивар. – Ты уверена, что не ошиблась в его толковании?

– Ошибиться было невозможно, – Рунгерд ссыпала руны обратно в мешочек. – Этот ответ таков, что не допускает сомнений. Потому что этот ответ – ты, Ивар-конунг. А кто я такая, чтобы усомниться в слове сына Рагнара?

– Ты – мудрая женщина, – в очередной раз объявил Ивар. – Не зря моя мать так тебя ценит.

– Значит, это Аслауг велела тебе привезти меня в Роскилле? – догадалась Рунгерд.

Ивар покачал головой.

– Давай будем считать, что меня прислали боги. Вот, возьми! – Ивар снял с руки золотой спиральный браслет и ножом отрубил кусочек размером с ноготь.

– Не надо, – возразила Рунгерд. – Это я у тебя в долгу!

– Не тебе, – пояснил Ивар. – Богам.

Глава пятая

Связи крови и долга

– Теперь я твой, дружище Ульф! – Красный Лис присел рядом, похлопал меня по здоровой руке. – Я, мой кораблик и мои ребятишки.

«Ребятишки», ирландские хольды Бав Прыгун, Довлах Бычок и Грихар Короткий, остановились поодаль и почтительно внимали. То есть Бав и Грихар внимали, а Давлах ковырялся в ухе.

На носу у ирландского драккара необычная фигура: зверь с квадратной мордой, высунутым языком и красными, будто окровавленными клыками.

Ирландцы утверждали, что это собака. Никогда бы не догадался.

– Куда поплывем, хёвдинг? С какого рынка начнем?

Надо полагать, Ивар познакомил Лиса со своим планом поисков. Или нет. Идея очевидна. Но вопрос серьезный, я задумался. Потом спросил:

– А куда бы ты поплыл, чтобы сбыть пленников?

– Сюда, в Роскилле, – не раздумывая, ответил ирландец. – Но я – не они.

– Согласен. Куда бы ты поплыл на их месте?

– Куда-нибудь, где без особого риска можно обменять трэлей на серебро, – так же, не раздумывая, ответил Красный Лис. – На ближайшую ярмарку.

– И где она?

– На Сконе. Но там сейчас Рагнар. Если он узнает, что кто-то продает пленников-сёлундцев…

– Ему не понравится?

– Как сказать. Скорее, он просто объявит свободных – свободными, как того требует закон, а рабов – своей собственностью по праву добычи.

Ну да. Это очевидно. Никто не может объявить рабом свободного человека, вернее, свободного датчанина, без подобающей причины. Удар дубинкой по голове таковой не является.

– Тогда с чего начнем? – спросил я.

Глупо советовать старожилам, какую дорогу выбрать.

Красный Лис назвал с полдюжины мест, о большей части которых я даже не слышал. Я куда лучше разбирался в географии средневековой Франции, чем в населенных пунктах средневековой же Дании.

Медвежонок, возлежавший с мрачным видом на ложе из шкур, заявил, что плыть следует в Оденсе.

Оденсе – то бишь святилище Одина, располагалось на берегу одного из фьордов соседнего острова Фюн. Весьма крупного острова.

Красный Лис покосился на моего побратима и буркнул что, мол, в информационной помощи жрецов Одина не нуждается, а взятые в моем поместье рабы годятся на нечто лучшее, чем ритуальное повешение.

Свартхёвди и ирландский хёвдинг друг друга недолюбливали, но Лис был, по-своему, человеком чести, поэтому разговаривал сдержанно. В своем нынешнем

состоянии грозный берсерк был не опаснее годовалого теленка.

Вот когда Свартхёвди поправится, мне придется внимательно следить, чтобы взаимная неприязнь этих двоих не привела к нехорошему.

Впрочем, оказавшись на палубе, любой викинг автоматически становился вежливым и деликатным. Со своими.

Медвежонок не стал обзывать ирландца нехорошими словами. Он лишь напомнил, что неподалеку от святилища находится самый крупный в окрестностях постоянно действующий рынок рабов. И Рагнара там не очень-то боятся, потому что тамошний конунг – родич жены Рагнара Аслауг…

Короче, если бы решал он, Свартхёвди, то мы бы уже не болтали попусту, а полным ходом шли в Фюну.

– Оденсе! – решил я.

И драккар взрезал воду Роскилле-фьорда.

* * *

– Скажи мне, братец, что ты думаешь по поводу гибели Хрёрека? – задал я Медвежонку второй вопрос, который не давал мне покоя. Первый, естественно, был о Гудрун…

– Думаю, Хрёреку Соколу не стоило ссориться с Сигурдом, – буркнул Свартхёвди.

– Он вступился за своих, – напомнил я. – Сигурд обидел его родичей.

– Вот и сказал бы об этом Сигурду. Уверен: Змееглазый дал бы ему что-нибудь, чтобы загладить обиду. Сигурд Рагнарсон – не худший из братьев. И не жаден. Ты ведь знаешь: он заплатил выкуп за убийство отца Скиди, Одды-хёвдинга, хотя убил его не в поединке, а во время игры в мяч.

Да, я слышал эту историю. Сигурд заплатил – и щедро. Правда, в то время ему было лет шестнадцать.

– Так что не за своих родичей вступился Хрёрек, а встал на сторону Харека-конунга, который сам знаешь как относится к Рагнару и его сыновьям. Харек-конунг Сигурду не по зубам, а вот Хрёрек Сокол – другое дело. Вот Рагнарсон и отомстил.

– А мы? – спросил я.

– Что – мы? – не понял Свартхёвди.

– Мы же с тобой вроде как из его хирда. Получается, мы должны отомстить за нашего конунга?

Медвежонок расхохотался… И тут же скривился от боли.

– Ульф, – прошипел он сквозь зубы. – Думай, что говоришь. У тебя – свой хирд…

– Был! – перебил я.

– Был или нет, неважно. Но ты ушел от Хрёрека. И я тоже. Из всех нас только Ове Толстый состоял с Хрёреком в кровном родстве. Мы – нет. И конунг над нами не Хрёрек, а Рагнар. Следовательно, в этом споре ты должен был встать не на сторону Хрёрека, а на сторону Сигурда Змееглазого. Забудь о Хрёреке. Нам нет до него дела.

– Можно я задам тебе один вопрос?

– Да хоть сто, – разрешил Медвежонок.

– Как ты, сёлундец, попал в хирд Хрёрека?

– Так вышло. Его драккар пришел в Роскилле семь зим назад. А я был тогда мальчишкой, который искал, в какой сапог сунуть ногу[4 - «Сунуть ногу в сапог» – часть обряда, по которому новичков принимали в род. Или в хирд.]. Мне понравился сокол, нарисованный на парусе Хрёрекова драккара. И сам он тоже

понравился. Грозный. А Хрёрек, как оказалось, слыхал о моем отце. И о моем деде Хальфдане. Он спросил: не берсерк ли я? Узнал, что нет, и принял в хирд. Примерно так же, как и тебя. Только я сразу стал дренгом.

– Сразу – дренгом?

Медвежонок ухмыльнулся.

– Нет, сначала он велел меня проверить. Проверить, насколько я хорош. И проверял меня не увалень Стюрмир, а сам Ульфхам Треска.

– И что?

– Как что? Ульфхам меня побил, конечно. Но я тоже достал его пару раз, так что Треска решил, что я – подходящий. Но ты не обижайся, брат, что тебе достался Стюрмир. Я был при оружии и намного моложе, чем ты. А еще Хрёрек знал, какого я рода. Что же до тебя, то я считаю: Хрёрек отнесся к тебе неплохо. Будь я на его месте, то вообще не принял бы в хирд чужака, о котором ничего не знаю. Вдобавок в таких лохмотьях, которые рабу-свинопасу надеть стыдно. Так что глупо тебе держать на него обиду, тем более теперь, когда он мертв.

– Я и не держу, – пробормотал я. – А ты тоже считаешь, что он мертв?

– Восемь кораблей, брат! Восемь – против трех! Тут всё ясно даже твоему мальчишке Виги. Не думай об этом. Мстить за Хрёрека – это не твой гейс.

Что ж, по-своему он прав, мой побратим Свартхёвди Медвежонок. Но я так не мог. Хрёрек принял меня в семью. И наша связь не прекратилась только от того, что я выбрал собственную дорогу. Я всё еще был ему должен. Крепко должен. И что там ни говорили понимающие люди, для того чтобы посчитать Хрёрека-конунга мертвым, мне мало простой логики. Я хочу знать точно. И я узнаю. Но сначала я должен вернуть Гудрун. И отомстить. Или отомстить…

* * *

Труднее всего было ночью. Когда бездна, в которую ухнуло всё, что мне дорого, смотрела на меня из тьмы. Бездна и еще – неизвестность. Жива ли моя любимая?

Что с ней сейчас? Мне безумно хотелось услышать «да» в ответ на первый вопрос. Но что на второй? Я знал, какова судьба пленниц в этом мире. И потому другой моей мыслью было: не лучше ли ей умереть?..

Глава шестая

Закон свободных

Как и обещал Медвежонок, в Оденсе оказался здоровенный рынок живого товара. Коров, коней, лошадей, овец… Но, главное, людей. Мне казалось, я научился спокойно относиться к тому, что люди становятся товаром. У меня у самого были рабы, и от того, что я делал всё, чтобы им жилось неплохо, суть не менялась. Они принадлежали мне целиком. Их навыки, их труд, их жизни. Я мог взять любую тир[5 - Тир – рабыня, трэль – раб.], и никто, даже моя жена, не сказал бы ни слова. Вот еще! Это как ревновать мужа за то, что он приласкал собаку. Более того, я мог отдать любую из них кому пожелаю или организовать из трэля и тир здоровую рабскую семью, которая будет растить для меня новых рабов. Я был рабовладельцем и, что характерно, знал, что мои рабы молятся своим разным богам за меня, своего хозяина, и считают меня невероятно добрым, ведь я хорошо их кормлю и не делаю больно без очень уважительной причины. То есть им у меня хорошо. А свобода – такая штука, которая нужна далеко не каждому. Девять из десяти тут же обменяют ее на сытость и безопасность. А десятый, скорее всего, попытается ограбить кого-нибудь из девятерых. Чтобы миром правила доброта, за ее спиной должен стоять Бог, но Бог наделил человека свободой воли, и тот выбрал не его, а крепких жестоких парней. Лучшее, что можно выбрать в такой ситуации: сделать жестокость строго дозированной и целесообразной. Это и есть прогресс. Но до прогресса оставалось больше тысячи лет, и рабский рынок близ святилища Одина был ужасен. Рачительный хозяин со скотиной и то лучше обходится. Никто не станет забивать корову в колодки или бить коня кнутом в назидание другим лошадям. Вдобавок здесь жутко воняло. А когда ветер дул со стороны святилища, где на священном дереве гнили священные «плоды», вонь становилась просто нестерпимой.

Но мы пришли сюда не цветочки нюхать, так что я взял костыль и, опираясь на плечо безусого ирландского паренька по имени Нуада, вступил в этот

рукотворный ад.

А тем временем Красный Лис, который ничем не мог мне помочь в поисках, поскольку никого из моих бывших домочадцев опознать бы не смог, отправился туда, где стояли шатры местного руководства, дабы поискать полезную информацию. Я нацелил его на моих ткачих. Зачем налетчикам убивать женщин, тем более – мастериц? Ткачихи – это профессия приметная. Пусть поинтересуется. И представится заодно.

Торговать мы не собирались, так что налог с нас не причитался, но порядок есть порядок. Какому хозяину понравится, если на его территории высаживается некое вооруженное формирование и даже не удосуживается нанести визит вежливости? Разве это не повод самому нанести визит пришельцам? И уже не вежливости, а совсем другого сорта?

Сначала у меня была мысль: поспрашивать насчет рабов-франков… Но тут было столько рабов-франков, что спрашивать было глупо. Рабов-франков здесь была едва ли не четверть. Даже больше, чем англичан. За что еще зацепиться?

Рабы, рабы, рабы… В клетках, в цепях, в колодках, в загонах. С бритыми головами и спутанными вшивыми патлами. Юные девушки и те беззубые старики, которых отовсюду свозят к святилищам Одина, чтобы принесли последнюю пользу поработителям, повисли жертвами на священных дубах. Разные лица, разные оттенки кожи… Объединяло всех только одно: безысходность и страх.

Искать среди мастеров-ремесленников? У меня ведь и такие были. Кузнец, гончар, резчик, строитель…

Профессионалы среди общей массы выделялись. Спокойствием. Они стоили немалых денег. Их хорошо кормили и не лупили без причины.

Но моих мастеров – не было. Во всяком случае я никого не углядел.

Оставались монахи. Отец Бернар. Он ведь так и не сменил свою рясу на более утилитарную одежду. Так что будем искать и по этому признаку.

Прозвище моего помощника – Зоркий. Так что я и его сориентировал. Ищем монаха. Волосы длинные, светлые. Лет под сорок. Росту высокого, телосложением… Ну примерно как Красный Лис…

К сожалению, монахов тут скопилось еще больше, чем ремесленников. Высокие, крепкие и немолодые тоже не были редкостью… И у каждого третьего глаза светились надеждой. Они надеялись, что Бог их спасет. Либо в этой жизни, либо – когда она закончится. Блажен, кто верует.

Мы бродили по этой юдоли страданий больше часа, и я порядком умотался. Нуада – тоже, поскольку всё это время служил мне живой опорой. Поэтому предложение зайти перекусить и заодно – передохнуть он воспринял с энтузиазмом.

Пища оставляла желать лучшего: полусырая крупа с жесткими кусками жирной баранины. Мне этакое варево без пива даже в рот не лезло, а пива мне было нельзя. До следующего новолуния. Так сказала Рунгерд, а значит, точно нельзя. Но Нуада покушал. Вернее, сточил всё, что предложено: полшлема «плова по-скандинавски», лепеху оружейной твердости и пол-литра дрянного, судя по запаху, пива. Насытился, оглядел окрестности повеселевшим взглядом и дернул меня за рукав.

Опаньки!

Между четырех палаток, предназначение которых известно каждому половозрелому норману, обнаружился небольшой, дюжины на две рабов, загончик. А внутри…

Нет, невзлюбившая меня с недавних пора Госпожа Удача, определенно, решила показать мне личико. Эта фигура в лохмотьях, когда-то бывших рясой, мне определенно знакома. Молодец Нуада!

Отец Бернар собственной персоной. И в цепях. На лице – кровоподтеки. Свежие. Не понимаю. Он же мирный.

Или работорговец среагировал на мощное телосложение?

А где он сам, кстати? Не тот ли богато прикинутый толстяк с понтовым мечом на поясе?

Наверняка он. Явно из успешных, сволочь. Одет едва ли не лучше меня, но сам далеко не красавец. Толстая одутловатая физиономия, украшенная бородавками. Хотя сам мужик отнюдь не стар. И не слаб. Здоровенный кабан. И сразу видно – мерзкий тип. Так и хочется приласкать дубинкой по репе.

Но – нельзя. Надо – договариваться.

Почти повиснув на плече Нуады (слабость, блин), я поковылял к торговцу живым товаром.

Тот меня заметил не сразу, потому что как раз принимал плату за вход в одну из палаток. В ней сейчас было тихо. Зато из трех других доносились специфические звуки. Рабыни ублажали клиентов. Бизнес жабы процветал.

Ага, вот и до меня дошла очередь. Ну и мерзкая у тебя ухмылка, мужик! Так бы и приложил сапогом… Но это – мечты. Даже если отринуть закон и порядок, в моем нынешнем состоянии о подобном можно только мечтать.

Я кивнул в сторону загона, где томились трэли.

– Этот большой, на цепи – он кто?

– Трэль, кто ж еще! – буркнул работорговец, но, приглядевшись ко мне и опознав кредитоспособного покупателя, помягчел: – Хороший раб, большой, сильный, сам видишь. Можешь мускулы пощупать. И по-нашему говорит. Три марки.

Цена не маленькая. Но и не запредельная. Однако я знаю, что разница между объявленной стоимостью и настоящей существенно отличается. То есть сторговать можно и марки за полторы. А это для взрослого сильного мужчины – слишком мало. Подозрительно мало.

– Послушен?

– Ага, – после небольшой заминки.

– А били за что?

– Ну-у-у… – Рожа работорговца выразила нравственный конфликт. Начнешь врать – потеряешь клиента. Скажешь правду – придется сбавлять цену. Или, опять-таки, клиента потеряешь.

– Вижу, сам ты – из Сёлунда? – поинтересовалась жаба.

Я кивнул. Для местных вышивки-узоры на одежде – как фамилия автора на книге.

– У вас на Сёлунде рабы стоят недешево, – закинул пробный камень работорговец.

– Я для себя беру, не для продажи, – сообщил я чистую правду. – Что с ним не так? Строптивый? Или буйный?

– Э-э-э…

– Значит, буйный. Воин бывший, да? Я его куплю, а он на меня – с топором?

– Не буйный, нет! – поспешно отреагировал работорговец. – Строптивый немного.

– Давай не темни! – поощрил я. – Расскажи мне всё как есть, и я его куплю. По справедливой цене. За полторы марки.

– Полторы марки?! – Работорговец аж взвился… И тут же сник: – Ладно, бери за полторы. Я сам его за три взял. Сказали: он лекарь. А он и не может ничего. Или не хочет. Я его побил немного, так он есть перестал. Сдохнет – вообще ничего не получу.

Я кивнул Нуаде. Тот развязал кошель. Торговец извлек весы. Отмерили полторы марки, пересыпали в новый кошель.

– Сейчас за кузнецом пошлю, – пообещал работорговец.

Я подошел к клетке.

– Отец Бернар!

Ноль реакции.

– Отец Бернар! Это я, Ульф!

Ага, услышал. Поднял голову. Крепко ему досталось. Оба глаза заплыли, лицо распухло… Мое желание как следует проучить работорговца стало острым до нестерпимости. Но характер придется придержать.

– Ульф…

– А-а-а… – раздался за спиной басок работорговца, – так вы знакомы, получается! Ну-ка погоди! – Это он – кузнецу. – Выходит, ты меня обманул, сёлундец! Сделка расторгается. Забирай свое серебро! – Он швырнул мне в ноги мешочек. – Снова будем торговаться!

Ну, жаба!

– Мы уже сторговались, – с трудом сдерживая ярость, процедил я. – Сделка заключена. Ты получил деньги!

– Уже нет! – нагло заявил работорговец. – Вон твои деньги. Снова у тебя. Новая цена – пять марок!

У меня в глазах потемнело. От гнева и от слабости одновременно.

Работорговец ухмылялся. Видит, сволочь, что я не в форме. И правая рука забинтована.

– Нуада, нет, – сказал я, когда юный ирландец потянулся к мечу.

За спиной у работорговца нарисовались двое громил. Будь я в форме, все трое мне – на один зуб. Да и не было бы драки. Вызвал бы жабу на поединок – и

прикончил.

Только, будь я в форме, и негодяй не стал бы пальцы гнуть. А тут почуял слабину.

Вариантов у меня было два: заплатить пять марок грабителю или уйти. Уйду – вообще лишусь всякой возможности доказать предыдущую сделку.

Но тут удача все же показала личико. Придерживая пояс с боевой сбруей, из палатки, где трудились путаны-невольницы, выбрался… Давлах. Давлах Бычок. Хольд Красного Лиса.

Выпрямился, срисовал ситуацию, засупонился…

И вдруг засвистел заливисто, да с коленцами. Так, что ушам стало больно.

Работорговец аж подпрыгнул. Обернулся:

– Ты – чего?

– Того, – лаконично ответил Давлах, обошел его вразвалочку и встал рядом с нами. – Я знаю этого человека, – кивок в мою сторону. – И я – с ним.

– А кто еще? – задал работорговец идиотский вопрос.

Он растерялся.

– А еще – я! – Расталкивая народ, к нам, аки ледокол, пробивался Красный Лис. А с ним еще с полдюжины ирландцев.

Впрочем, и на стороне работорговца народу прибавилось. Земляка тут всегда прикрыть готовы. Тем более, против него – явные чужаки. Даже не скандинавы.

Я в двух словах изложил Лису суть дела, спросил напрямик:

– Встанешь за меня на хольмганг?

– Вот еще! – фыркнул ирландец. Увидел мою обиду, пояснил: – Хольмганг с этой бородавчатой свиньей меня опозорит. Не беспокойся. Заберем мы твоего лекаря. Он же у тебя свободным человеком жил, верно? А в Законе что сказано? Если кто-то принудит свободного человека… То тем хуже для него! Сейчас лагман подойдет, и всё будет в порядке.

Подошел. Лагман. Человек Закона, а если точнее – его Глашатай, а по-простому – Законоговоритель. Пожилой дядька. Важный, как индюк.

Кивнул благосклонно моему оппоненту, велел:

– Расскажи, о чем спор вышел.

Но Красный Лис не дал жабе открыть рот.

– Спора нет! – заявил он. – Вот этот человек, – жест в мою сторону, – говорит, что этот человек, – жест в сторону отца Бернара, – является свободным человеком, пропавшим пол-луны тому назад. – А следовательно, по законам, данным нам богами и конунгами, человек этот свободен, а тот, кто его свободы лишил, повинен наказанию, как и тот, кто, напав на человека в лесу, привязал его к дереву. Как вот этот человек! – И последний решительный жест – в сторону работорговца.

Собравшаяся вокруг изрядная толпа враз зашумела. Мнения разделились… И большинство было – не в нашу пользу.

Законоговоритель дал народу поорать, затем решительно потребовал тишины.

– Ты говори! – приказал он работорговцу.

И тот немедленно начал драть глотку. Мол, ничего это не свободный человек, потому что он, работорговец, купил его аж за три марки. И более того, этот сёлундец (я то есть) готов был купить трэля, но предложил за него всего полторы марки, а цена хорошая – пять, потому что он, работорговец, изрядно потратился на этого трэля, кормил его, учил правильному поведению и так далее. А если бы правдой было то, что сказал сейчас этот чужеземец (имелся в виду Красный Лис), то почему тогда сёлундец (то есть я) не объявил сразу, что

это не трэль, а свободный? Да и вообще, если каждого раба, который когда-то был свободным, отдавать бесплатно, то, значит, всех, взятых в набегах, придется отдавать. Даже и христиан. Кстати, и этот, так называемый свободный, – тоже христианин, хоть и без креста, но всё время молится христианскому богу. А как может христианин быть свободным человеком, это уже вообще непонятно…

Тут Красный Лис снова его прервал.

Полез за пазуху и достал оттуда большой золотой крест. Реально большой. В четверть кило, не меньше.

– Видишь? – поинтересовался он. – Я – христианин. И всякий, кто скажет, что я – не свободный человек, продолжит свою речь в царстве Хель!

Зря он это сказал, подумал я. Отношение к христианам в Скандинавии, мягко говоря, недоброжелательное. И неуважительное. Та часть толпы, которая была на нашей стороне, заметно уменьшилась.

Очень довольный (главное – угодить избирателю) Законоговоритель поглядел на Лиса с искренней симпатией (ну, мужик, ты так удачно подставился) и уже набрал в грудь воздуху, чтобы вынести вердикт, но тут ирландец извлек еще один культовый значок. То есть не то чтобы культовый, но такого, фигурально выражаясь, веса, что перетягивал Гунгнир и Мьёлльнир[6 - Гунгнир – копье Одина, Мьёлльнир – молот Тора. Их знаки носят приверженцы скандинавской традиции.] разом. Это была двухдюймового диаметра бляха, тоже золотая, на которой сверху был изображен ворон, а снизу – крохотный воин с луком. Знак Ивара Рагнарсона.

Золото полыхнуло на солнце, и Глашатай Закона проглотил заготовленную речь. Ивар Бескостный мало того, что снискал изрядную славу человека выдающейся даже по местным меркам жестокости, так еще и приходился родичем местному конунгу.

Вот такая незадача.

– Мое имя Мурха, – сообщил ирландец, откровенно наслаждавшийся произведенным эффектом.

Я удивился. Потому что до того времени думал, что Красный Лис – это и есть имя.

– Я – морской ярл и хёвдинг Ивара Рагнарсона, прозванного Бескостным. И всякий, кто усомнится в моем слове, оскорбит не только меня, но и моего конунга. Это понятно?

Толпа загудела. Я бы сказал: зловеще загудела. Нас была – горстка. Против чуть ли не двух сотен местных. Причем – вооруженных местных, потому что здесь без оружия даже в гости к соседу не ходят, не то что на ярмарку. Но Красному Лису – как с куста. Даже бровью не повел. Напротив, уставился с вызовом на Законоговорителя и повторил с нажимом:

– Это понятно?

– Мы услышали тебя, Мурха-хёвдинг, – уклонился от прямого ответа Законоговоритель.

– Очень хорошо. Слушайте дальше. Я подтверждаю, что не так давно видел этого человека, – жест в сторону отца Бернара, – свободным. На Сёлунде… – Гул толпы начал стихать. Люди прислушивались. – Я подтверждаю, – продолжал ирландец, – что видел этого человека за румом драккара… – Тут Красный Лис сделал паузу, чтобы убедиться: хорошо ли его слышно и дошла ли информация до слушателей. – И драккар этот был одним из драккаров, что встали этим летом у берегов Англии. Я подтверждаю, что этот человек был там с войском Ивара и Уббы Рагнарсонов! – Теперь голос Красного Лиса гремел в полной тишине. – Во всем сказанном я готов поклясться на кресте!

Сильный ход. И ведь да, спокойно может поклясться. Ни слова лжи не сказал. Отец Бернар действительно сидел на руме. И он действительно был с армией Ивара, когда тот грабил Нортумбрию. То есть в глазах всякого не осведомленного о пацифистских убеждениях отца Бернара мгновенно возникал образ не раба, а полноценного хирдмана. Тем более что и стать у франкского монаха была – соответствующая.

– А теперь, – заявил ирландец, – я требую выдачи преступника, который надел цепи на этого свободного человека! Ты – этот преступник? – Палец Красного

Лиса нацелился на работорговца.

К чести последнего, тот оказался не из трусливых. А может быть, жадность придала ему смелости.

– Я купил этого раба! – заквакала жаба. – Он принадлежит мне! Мне плевать, кем он был до того, как стал трэлем. Может, он не вернул долг или еще что-то! Теперь он мой! Мой по Закону!

– Голос Закона на этом торге – я! – вмешался лагман. – И Закон говорит: этот человек свободен!

Молодец! Вовремя сориентировался.

– Да ты что, дядюшка! – взвился работорговец. – Что ты такое говоришь? ЭТО МОЙ РАБ! Выходит, теперь каждый чужак может показать пальцем на моего трэля, объявить его свободным и забрать бесплатно? Да я скорее убью этого раба, чем задаром отдам чужакам!

– То есть ты не согласен с решением? – обманчиво спокойным голосом тут же поинтересовался Красный Лис.

– Конечно, я не согласен! Это только слова! Я найду сотню свидетелей, которые видели, как я покупал этого человека! И как я учил его покорности!

– Ты бил свободного человека, – заметил Красный Лис. – Это тоже преступление.

– Это мой раб! – завопила жаба, обманутая негромким голосом Красного Лиса. – Никакой он не свободный!

– Вот! – поворачиваясь ко мне, назидательно произнес ирландец. – Он обвинил меня во лжи. И теперь я могу его убить.

– Даже и не надейся! – парировал я. – Жаба наверняка выставит бойца.

«Предмет спора», то есть отца Бернара передали под опеку ярмарочной администрации. Монах отнесся к перемещению философски. То есть равнодушно. Он вручил свою жизнь в руки Бога, так что Бог и должен о нем заботиться.

Что ж, орудие Господь избрал достойное: Мурха Красный Лис был из тех, кто способен противостоять даже Ивару Бескостному. Правда, недолго.

Мы сняли небольшой домик человек на сто поблизости от рынка и занялись уничтожением ужина. По поводу будущего поединка никто не переживал. Красный Лис считал: раз уж, в кои веки, ему подвернулась возможность порадеть за собрата по вере (а не грабануть его), это – Перст Божий. Так что к завтрашнему хольмгангу ирландец относился как к маленькому празднику. Предвкушал…

Но обломился.

Не успели мы даже толком перекусить, как пожаловали знатные гости: местный ярл Мангхильд Круглая Голова и (вот сюрприз!) полномочный представитель «конунга всех данов» Харека ярл Халлбьёрн по прозвищу Шейный Платок.

Халлбьёрн немедленно выразил радость по поводу того, что я жив. Я вежливо поблагодарил за радость и за участие. Халлбьёрн, как-никак, пытался отговорить сконских ярлов пустить меня на бастурму.

Когда мы обменялись любезностями, Шейный Платок сообщил, что намеревается посетить Роскилле, чтобы пообщаться с Рагнаром. Попытался осторожно выведать: как у Рагнара настроение? Нет ли у него планов продолжать экспансию датских земель?

Я переадресовал вопрос Лису. Тот дипломатично ответил, что ни о чем подобном не слыхал. Вот насчет Франции – да. Планы есть. Обширные. Но только в следующем году. Что же до Сконе, то и тут, насколько Лису известно, никакой враждебной Хареку цели не ставилось. Рагнар лишь урегулировал некоторые проблемы, которые возникли между жителями Сёлунда и жителями Сконе. А если несколько сконских ярлов теперь считают Рагнара своим вождем, так они – в своем праве. Земли у них не жалованные, а родовые. Так что могут присягать, кому пожелают.

С этим не поспоришь. Свобода у скандинавских ярлов – в крови, так что урезать ее можно, лишь выпустив наружу изрядное количество этой самой крови.

Я бы воздержался от того, чтобы принимать за чистую монету сказанное Красным Лисом. Человек с таким прозвищем достоин доверия только в одном случае: если он на вашей стороне. Но Халлбьёрн, похоже, поверил. И расслабился.

Под это дело я попытался выяснить еще какие-нибудь подробности о бое Сигурда и Хрёрека, но ярл ничего нового не знал. Но, желая быть полезным нашей компании, предложил себя в качестве судьи на завтрашнем поединке.

Предложение было принято и закреплено пирушкой. Угощение предоставил Мангхильд-ярл. Он же заверил, что никто из его людей даже и не помышляет выступить на стороне жабы-работорговца. А если хёвдинг пожелает, так и поединка не будет. Ярл вполне способен наказать поганца своей властью.

Похоже, ярл очень беспокоился: как бы не попасть в оппозицию к Ивару Рагнарсону?

Лис заверил мужика, что всё будет ровно. Попросил не лишать удовольствия. Заверил, что с удовольствием прикончит бойца жабы, а потом выдавит дерьмо и из самой жабы.

Вернее, не дерьмо, а денежные ценности.

Но, как сказано выше, планы Лиса жестоко обломились. Даже услуги судьи не понадобились.

Когда дружеская пьянка была в самом разгаре, появилась жаба.

Статусно опущенная ниже палубы.

С отцом Бернаром, переодетым в новое и приличное, причем крашеное, что означало полное признание его свободного статуса.

Также жаба привела с собой «извинение»: пышную белокурую девушку в некрашеной одежде (насовсем) и еще шестерых таких же – во временное пользование.

Время для покаяния было выбрано правильно. Красный Лис уже порядком принял и находился в благодушном настроении. Жаба униженно каялась. Мол, йотун попутал, товарищ великий хёвдинг. Не убивайте меня, я уже хороший! Красный Лис, он же – Мухра из Скоген Лифер, к мольбам снизошел. Хлопнул жабу кулачищем по уху. Дружески. И удалился тестировать блондинку.

* * *

– Ты голоден? – поинтересовался я у отца Бернара.

Монах покачал головой.

– Тогда пойдем.

– Погоди! Что у тебя с рукой?

– Не только с рукой, но это подождет. Я хочу знать, святой отец! Прямо сейчас. С самого начала!

– Тебе не понравится, хёвдинг, – предупредил монах.

– Рассказывай, чертов ворон!

И он рассказал…

Глава седьмая

Предательство

Северный Змей подошел к берегу на закате.

Это было очень красиво: солнце, наполовину окунувшееся в море, и черный силуэт драккара на фоне багрового пламени.

В длинном доме как раз накрыли на стол и собирались трапезничать. Ждали только кузнеца с подмастерьем.

Они-то и увидели драккар. Кузнец Брай плохо разбирался в кораблях, так что узнать хозяйский драккар, да еще при таком освещении, он, конечно, и не смог. Зато он родился в Нортумбрии, и для него любой драккар был воплощением ужаса. Теперь Брай сам принадлежал викингу, и жизнь у него нынче была, пожалуй, получше, чем в те времена, когда хозяином Брая был тан Лестер. Но ничто не могло вытравить из крови простолюдина-англичанина животного ужаса перед «дьявольским драконом».

– Беги в поместье! – завопил он подручному. – Живо! Со всех ног!

И сам тоже потрусил следом.

Это был храбрый поступок, ведь у себя дома он и думать не стал бы о сопротивлении, а только о том, чтобы спрятаться. А спрятаться было где. Вон хоть в соседней роще.

Однако там, в доме, сейчас находилась Бетти, девушка, которую Брай очень хотел бы взять в жены. Если хозяин позволит… И вообще, там, в доме, были такие же норманы, как и те, что плавали на кораблях с драконьими головами. Вдруг свои сумеют договориться со своими? А может, это хозяин возвращается?..

Когда тяжелый и неуклюжий в беге кузнец поспел к воротам, навстречу ему высыпали все домочадцы во главе с хозяйкой.

– Северный Змей? – неуверенно проговорила Гудрун.

– Похож… – пробасил отец Бернар.

– Ага! – тут же поддакнул Льот Рукавичка, сын Пэра, который арендовал у хозяина земельный надел.

Гудрун засияла радостной улыбкой.

– Но я бы всё же закрыл ворота, – задумчиво проговорил отец Бернар.

– Закрыть? – удивилась Гудрун. – То есть как? Мой муж возвращается – и видит запертые ворота? Что ты такое говоришь, франк?

– Я не вижу твоего мужа, – спокойно произнес монах. – Я вижу корабль, который идет сюда. А ворота, женщина, открыть быстрее, чем запереть.

Гудрун задумалась. Еще раз поглядела на драккар. Там как раз спускали парус. Разглядеть, что за люди на палубе, она не смогла. Зато увидела, что на многих – шлемы.

Это ровно ничего не значило. Воины надевают бронь не только для битвы, но и для того, чтобы все видели, как они красивы. Однако Гудрун была из рода викингов, и осторожность была у нее в крови, как страх – в крови любого трэля.

– Закрыть ворота! – скомандовала она. – И вооружайтесь. Если это враги, мы встретим их как надо. Если друзья – то они порадуются нашей готовности к битве.

Настоящих воинов в усадьбе сейчас не было. Только бонды и рабы. Ни у кого ни нужных умений, ни боевого опыта. Кроме, разве что, отца Бернара. Но тот сейчас – даже меньше, чем бонд. Много лет назад бывший шевалье[7 - Воин-всадник в средневековой Франции.] дал обет, обязавший его не брать в руки оружие.

Словом, в чистом поле «воинство» Гудрун не выстояло бы и против пятерки настоящих бойцов. Но здесь, в усадьбе, достаточно луков и стрел, а ограда высока, так что Гудрун посчитала, что они способны обороняться. Тем паче что выбора всё равно нет. Если это враги и они победят – живые будут завидовать мертвым.

Когда защищенный мягкой накладкой киль драккара взрезал песок, Гудрун глядела на корабль из-за бревен частокола, сжимая в руке гладкое дерево охоничьего лука. Вот только стрелы в ее колчане на этот раз были не охотничьими, а боевыми – с узкими гранеными наконечниками. И голову Гудрун прикрывал настоящий боевой шлем, надетый поверх уложенной косы, а грудь оберегала тяжелая кольчуга, набранная из овальных железных чешуй.

Гудрун смотрела, как викинги ловко спрыгивают на берег. Она пыталась опознать хоть кого-то знакомого, но не получалось. Сумерки…

Вскоре цепочка вооруженных людей («Одиннадцать» – сосчитала Гудрун), двинулась наверх, по тропинке – к усадьбе.

Они не торопились, и непохоже, что собирались биться. Щиты за спиной, оружие – в ножнах и за поясами, копья – на плечах. Первый даже нес в руке факел. Правда, света от него было немного – ветер сбивал пламя. Подходили открыто, без опаски. Но что-то Гудрун насторожило. Вот только она не могла понять – что.

Если бы она поняла это вовремя, как бы тогда изменилась ее судьба! Ведь в тот миг защитники усадьбы могли бы запросто забросать воинов стрелами, изрядно проредив их и без того недлинную цепочку… Могли бы дать отпор…

– Кто вы? – звонко крикнула Гудрун. – Назовитесь!

– Это мы, госпожа! – раздался в ответ знакомый всем обитателям поместья голос.

Гудрун вздрогнула. Это не был голос того, кого она ждала.

– Лейф! Что с моим мужем?

– Тяжкая весть, госпожа! – Первый из цепочки остановился, стянул с головы шлем. Света факела было достаточно, чтобы наверху все увидели его лицо.

– Говори, Лейф! – потребовала Гудрун.

– Я могу, госпожа, – скорбным голосом произнес норег. – Но то будет долгий и трудный рассказ. Ты хочешь услышать его прямо сейчас?

Гудрун опомнилась. Она догадалась, о чем будет говорить Лейф, и в груди у нее всё заледенело.

– Мой брат?

– Он остался на корабле. Он и еще четверо. Нам нужны носилки…

Лейф не назвал имена, значит… Значит, Ульфа среди раненых не было. Значит…

Она справилась.

– Открыть ворота. Отец Бернар, раненые…

– Я займусь, – произнес монах, но не сдвинулся с места.

Что-то было не так… Неправильно…

Но обитатели поместья уже с немалым облегчением слезали со стен, створки ворот пришли в движение…

И тут Гудрун сообразила, в чем неправильность. Там, на корабле, остались воины. И не раненые. Вполне здоровые. Обычная повадка викингов во время набега – не оставлять корабль полностью беззащитным.

– Стойте! – воскликнула она. – Не пускайте их!

Но засовы уже были сняты, створки разошлись, и пришельцы хлынули внутрь.

Они начали убивать, едва оказались во дворе. Рубили всех, у кого было оружие. Или кому не посчастливилось подвернуться под руку… В темноте иной раз трудно понять, кто перед тобой. Хотя многим нападавшим просто нравилось убивать…

Обитатели подворья, простые бонды вне строя, взятые врасплох… Они даже не сопротивлялись. Или не успевали. Как Льот Рукавичка, чью грудь пробило копье в тот миг, когда он натягивал лук.

Всё закончилось в считаные минуты.

Гудрун осталась в живых. Но только потому, что Лейф первым бросился к ней, сбил с ног и собственноручно связал.

Собственно, связали только ее и Бернара. Монах не был вооружен и не сопротивлялся, но он не кричал от ужаса и не пытался удрать, так что его сочли потенциально опасным.

– Обыщите тут всё! – скомандовал предводитель отряда. Им оказался не Лейф, а молодой прыщавый парень с подбитым глазом.

Всех пленных, за исключением Гудрун, загнали в хлев, и начался грабеж.

Лейф Весельчак в нем не участвовал. Воткнул в землю факел и встал рядом с усаженной у стены Гудрун. Стоял, молчал. На женщину не глядел. Гудрун жгла норега ненавидящим взглядом. Но тоже молчала. О чем разговаривать с предателем?

Но всё же не выдержала, спросила:

– Ты не боишься, что мой муж заставит тебя пожалеть, Лейф Предатель?

– Я не боюсь, – последовал спокойный ответ. – И я – не предатель. Ульф Вогенсон мертв.

На подворье ввалилось еще десятка полтора сконцев. Надо полагать, те, кого оставили на драккаре. Этих уж точно никто не принял бы за воинов Ульфа. В хирде мужа Гудрун даже новички выглядели более грозно. Как позже выяснилось, оставить часть людей на драккаре тоже предложил Лейф.

Впрочем, это уже не имело значения.

Вновь прибывшие присоединились к остальным. Грабить. Что может быть интереснее для победителей?

Разграбление усадьбы длилось долго. Богатый дом у Ульфа-хёвдинга. Много всего.

Но золота не нашли. Да и серебра обнаружили немного. Марки на две.

Гудрун зло усмехалась. Что не осталось незамеченным.

Предводитель налетчиков, прыщавый юнец, подступил к ней:

– Говори, волчица, где золото с серебром!

Гудрун молчала.

– Вот прижгу твою рожу каленым железом, – посулил прыщавый.

– Эй, Эйнар, а может, мы сначала с ней поразвлечемся? – подал голос один из налетчиков. – Баба-то хороша! А как зыркает! Аж страшно!

Грабители загоготали. Один сунулся к Гудрун, отодвинув безусого Эйнара.

Но на его пути встал Лейф.

– Мы договорились, – спокойно произнес он. – Я открываю вам ворота, а вы не трогаете хозяйку.

– Да от нее убудет, что ли? – пробормотал налетчик, пытаясь обойти Лейфа. Не получилось.

– От нее – нет, – сказал норег. – Вот от тебя, Виги Грибок, убудет наверняка.

И положил руку на оголовье меча.

– Да что его слушать, чужака? – гаркнул кто-то. – Чтоб какой-то норег нам указывал!

Еще несколько разбойников подвинулись ближе.

Гудрун закрыла глаза.

Она очень жалела о том, что не убила себя. А ведь могла успеть…

– Эйнар! – раздался по-прежнему спокойный голос Лейфа. – Ты поклялся! И боги тебя слышали. Она моя. Уйми своих людей!

– А ну все назад! – визгливым голосом закричал прыщавый. – Не трогать ее! Здесь полно баб! Эта – Лейфова! Он выполнил то, что обещал!

Гудрун открыла глаза и с облечением увидела, что те, кто хотел ее изнасиловать, отступили.

И не похоже, что только из-за визгливого юнца. Скорее потому, что не хотели связываться с Лейфом. Вспомнились слова брата о том, что Лейф Весельчак – великолепный боец. Один троих стоит.

В ее душе шевельнулось благодарное чувство… Мгновение слабости. Но оно прошло.

Гудрун напомнила себе: если бы не Лейф, налетчиков не впустили бы внутрь. Им пришлось бы брать усадьбу с боя, и еще неизвестно, взяли бы…

Четверо потрусили к сараю. Должно быть, решили последовать совету своего вождя.

– Пусть скажет, где спрятаны ценности, и мы ее не тронем! – заявил прыщавый Эйнар. – И никто ее не тронет.

– Ее никто не тронет, даже если она проглотит язык, – сказал Лейф. – А если ты немного подумаешь, Торкельсон, то вспомнишь, что здесь есть еще один дом, вон там, у холма. Это новый дом, построенный совсем недавно. Я думаю, следует

поискать и там.

– Это верно! – поддержали Лейфа другие налетчики. И все дружно устремились к новому дому.

Гудрун вздохнула. Денег там не было. Они были спрятаны в потайном чуланчике длинного дома, который налетчики не нашли. Но в новом доме, построенном Ульфом, было так много добра… Хотя о чем теперь горевать? Вот вернулся бы муж, спросил: как так? Почему не уберегла наше добро? Ах как была бы Гудрун счастлива, если бы он мог так сказать… Не скажет.

Пользуясь тем, что рядом с ними никого нет, Лейф наклонился к Гудрун.

– Ты теперь вдова, дочь Сваре Медведя, – негромко произнес норег. – Твоего мужа замучили сконцы. Ты свободна от обетов, и я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Гудрун молчала.

– Я люблю тебя, Гудрун, – тем же ровным голосом продолжил Весельчак. – Ты прекрасней всех женщин, которых я видел, а видел я многих. Стань моей женой, и я обещаю быть тебе хорошим мужем. Со мной тебе будет легко.

– Этому не бывать, – не выдержала Гудрун. – Только попробуй задрать мне подол – и я сама тебя убью. Считай, что ты уже мертв, клятвопреступник!

– Почему – клятвопреступник? – удивился Лейф. – Я не убивал твоего мужа. Я дрался вместе с ним до конца. А что не стал вместе с ним умирать, так кому от этого польза? Я предлагаю тебе честно: стань моей женой, и я стану тебе опорой и защитой.

– Нет!

– Подумай еще, – предложил Лейф. – Если ты не хочешь стать моей женой, значит, станешь моей тир! Рабыня или честная жена. Что ты выбираешь?

– Твою смерть! – непреклонно ответила Гудрун.

– Это будет глупо, – Лейф пожал плечами. Доспех на нем был чужой, плохонький. Гудрун только сейчас заметила. А если бы раньше – могла бы…

Нет, не могла. Слова о том, что мужа больше нет, оглушили ее, точно внезапный удар.

– Глупо, – повторил Лейф. – Подумай, что с тобой сделают, если не будет меня. И решай сейчас. На палубу ты поднимешься или моей женой, или моей рабыней. Другого не будет.

Гудрун подумала. Ее выбор – смерть. Это то, чего ей хотелось больше всего. Но это выбор слабой, а она, Гудрун, не такая. Она – сильная. Ее мать стала призом для того, кто отомстил за смерть деда. И она приняла свою судьбу. Отдала свою жизнь берсерку.

– Скажи, что с моим братом? Он действительно ранен, как ты сказал?

– Прости меня, прекрасная Гудрун, я солгал, – без тени смущения заявил норег. – Так что ты выбираешь?

Брат мертв. Ульф мертв…

– И она согласилась? – Я с трудом сдерживал ярость.

– У нее не было выбора, – мягко напомнил отец Бернар. – Или стать женой твоего хускарла-предателя, или наложницей всех сконцев, как эти бедняжки из твоего поместья. Или ты предпочел бы, чтобы она убила себя?

– Нет, – скрипнув зубами, процедил я. – Не предпочел бы.

– Кроме того, – продолжал монах, – он ведь сказал, что ты мертв.

– И она поверила! Почему?

– Может, потому, что этот норег не лгал. Я был рядом, и я тоже чувствовал, что он не лжет. Он был абсолютно уверен, что ты и Свартхёвди мертвы. Почему?

– Это тоже долгая история, – мрачно произнес я. – Оставим ее на завтра. Я должен обдумать то, что рассказал ты.

– Я рассказал тебе не всё… – остановил меня монах.

* * *

…Брат мертв. Ульф мертв… Если она умрет, кто отомстит за них? И за нее?

«Я выбираю месть!» – подумала Гудрун.

Да, так и будет. Она отдаст свою жизнь, свое тело за то, чтобы отомстить.

* * *

– Это слова не для тебя, – сказал отец Бернар. – Она попросила меня передать их своей матери, если судьба сведет меня с ней. Она сказала: в ее роду не осталось мужчин, кроме ее брата Хельги. Но он слишком мал, чтобы мстить, потому она берет месть на себя. Убьет предателя и всех, кто с ним. Кого сможет. А Хельги, когда вырастет, пусть отомстит за отца и дядю. Так она сказала.

Ох как мне это не нравится. Гудрун, моя нежная Гудрун! Мало того что ты угодила в лапы негодяя, так еще и это. Как она может даже думать о подобном? Убить Лейфа Весельчака! Сомневаюсь, что и мне удалось бы это сделать один на один. Даже будь я абсолютно здоров. Этот норег – гениальный боец. Вдобавок с потрясающей чуйкой и умением выживать даже в безнадежных ситуациях. Но, даже если у тебя, любимая, это получится, что будет потом? Что с тобой сделают в отместку? О, Господи!

– Мне кажется, ты не знаешь своей жены, – сказал отец Бернар, когда я выплеснул наружу свои страхи. – Я думаю, к ее словам следует относится серьезно.

Я и отношусь. Поэтому мне так скверно.

– Иди отдыхай, – велел я монаху. – Потом подумаем, как отправить тебя на Сёлунд.

– Зачем? Я могу отправиться с вами.

– Затем, что Гудрун велела тебе передать весть матери – и ты ее передашь. Кстати, почему именно тебе?

– А кому еще? – вздохнул монах. – Она слишком горда, чтобы просить о чем-то тех, кто был ее трэлем или тир. Я буду молиться о вас. Чтобы вы воссоединились. Хотя не думаю, что Господь внемлет мольбе о язычниках. А на Сёлунд я не поеду. Ты и Свартхёвди нуждаетесь в моей помощи. Поищи другого вестника, Ульф-хёвдинг!

– Какой там хёвдинг, – буркнул я. – Нет у меня больше ни хирда, ни драккара!

– Как это нет? – удивился монах. – А это что? – Он хлопнул ладонью по отполированному задницами викингов руму. – Так что не предавайся унынию, а делай, что должен. Твоя жена жива! Радуйся!

Гудрун моя, Гудрун! Да, ты жива… Так почему же мне так скверно?

Глава восьмая

Он умрет!

То, что рассказал монах, помогло достроить логическую цепочку. Значит, вот куда отправился мой подлый кореш Лейф Весельчак! Вот чем он выкупил свою драгоценную жизнь.

– Когда он попадет мне в руки, я буду убивать его ме-едленно… – посулил Медвежонок. Потом поглядел на меня и поправился: – Мы будем.

Ну да, мы же братья. Всё пополам. Но этот мишка пока полный хозяин своей шкуры, и, прежде чем освежевать, сначала надо его найти.

Что ж, во всяком случае, мы теперь не будем шариться в темноте, как слепые щенки.

Мы знаем, кто наш враг. Хирдманы покойного Торкеля-ярла под командой его сынка Эйнара Прыщика. А ведь мог замочить гаденыша! Запросто мог…

Хотя смысл? Нашелся бы кто-то другой. Вожак из Эйнара никакой. А в этой же компании сволочь-Лейф, у которого и башка на месте, и руки. Хитрый, ловкий, опытный, умеющий быстро принимать решения, причем – правильные. И оружием владеет не хуже меня. Если не лучше. Сам же и обучал. Остается только добавить, что Лейф – прирожденный лидер. И язык подвешен как надо. Можно поставить золотой против медяшки, что через какое-то время именно он будет рулить в команде. Несмотря на то что чужак.

И что дальше? А дальше мы подключаем логику. Куда могли отправиться два с хвостиком десятка негодяев, когда узнали, что путь домой, на Сконе, им отныне заказан?

Первое, что приходит в голову, – свободное плавание. Почему бы и нет? Драккар имеется (мой драккар!), стартовый капитал – тоже, причем неслабый. В моем поместье взяли. Есть корабль, есть товар… Дальше – нормальная норманская схема: торговые гости с севера. Новые города, новые страны. Продаем и покупаем… Если нельзя взять бесплатно. Романтика.

Возможный вариант? Вполне. Но очень грустный, потому что отыскать мою жену мне вряд ли удастся. Разве что случайно.

Еще вариант: встать под знамя какого-нибудь сильного ярла или конунга. Хороший драккар с экипажем всякий здешний правитель охотно возьмет под крыло. Особенно если у экипажа есть средства на зимний прокорм.

Ясное дело, для молодого Торкельсона приятнее второй вариант, потому что в этом случае его происхождение и родственные связи дадут сопляку возможность удержать бразды правления, что в варианте свободного плавания маловероятно. В дальнем походе каждый стоит ровно столько, сколько стоит он сам.

А вот какой вариант выберет Лейф Весельчак – это вопрос.

Я озвучил оба варианта на общем совете, где решалось: куда направить драккар?

И услышал вариант третий. Тоже логичный.

Домой, в Норвегию.

– Я бы так сделал, – заявил Красный Лис. – Там у Лейфа родня, и даже сам Рагнар Лотброк туда не дотянется.

– У Рагнара там тоже родня есть, Сигурд Олень, конунг Хрингарики[8 - В Саге о Хальфдане Черном сказано: «…конунг в Хрингарики звался Сигурд Олень. Он был статнее и сильнее других людей. Он был также очень красив с виду. Его отцом был Хельги Смелый, а матерью – Аслауг, дочь Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны». То есть сага сдвигает время рождения Рагнара Лотброка минимум лет на сорок. Но поскольку правил Хальфдан все же в середине девятого века, а не в начале десятого, то я закрою глаза на внутрисаговую хронологию.], – вставил Свартхёвди. – И захотят ли люди из Сконе идти в Согн?

– Почему – в Согн? – спросил я.

– Согне-фьорд в Согнефюльке[9 - Фюльк (фюльке) – в современной Норвегии – административная территориальная единица, а в веке девятом – более-менее автономная земля под правлением либо местного конунга, либо наместника конунга.]. Оттуда он родом, Харальд Весельчак.

– Согнефюльк – это земля Харальда Золотой Бороды, – внес свою лепту Красный Лис. – На его дочери женат конунг Хальфдан Черный. Ты ведь с ним знаком,

Ульф?

– Было дело, – подтвердил я. – Конунг Вестфольда.

– Это хорошо, – одобрил Красный Лис. – Значит, люди Золотой Бороды не станут чинить нам препятствий.

– Сконцы не поплывут в Согн! – решительно возразил Медвежонок. – Зачем им? Есть кое-кто поближе из тех, кто не боится Рагнара.

Лично я знаю в Дании только одного такого человека. Харека Младшего, конунга всех данов.

– Харек?

– Да, он.

Что ж, если Харек примет молодого Эйнара под крыло, то любые официальные и неофициальные претензии хозяина Сёлунда могут быть посланы… в путешествие. Если, конечно, Рагнару не нужен повод, чтобы напасть на Харека. Но это вряд ли. Париж, с точки зрения дохода, куда перспективнее.

Значит, наиболее вероятный выбор противника – Хедебю и Харек-конунг.

Тем более, дополнил Красный Лис, если их не будет в Хедебю, то можно плыть дальше, на север. Всё равно по пути. Других вариантов нет. Тем более – зима близко.

Это у нас близко, а в Микльгарде[10 - Микльгард – Константинополь.] еще долго тепло будет, подал реплику Гихар Короткий. И они заспорили о том, как лучше добираться до Византии. К теме нашего совещания это уже не имело отношения. Мы шли в Хедебю.

Пока люди Красного Лиса загружали драккар всем необходимым для похода (деньги мои – и это справедливо), я, взяв в качестве подпорки всё того же Нуаду Зоркого, отправился в гости к Халлбьёрну.

Ярл принял меня радушно. Угостил клюквенным морсом на меду (от пива я отказался) и поинтересовался: каким ветром?

Я не стал лукавить – Халлбьёрн мне чем-то понравился – рассказал всё как есть. Ярл выразил сочувствие, велел подать кусок кожи и начертал на нем что-то типа: «подателю сего – оказывать помощь именем конунга всех данов», выжег оттиск и заверил, что всякого официального представителя Харека этот кусок кожи расположит в мою пользу.

Что ж, спасибо.

Я, в свою очередь, пообещал Халлбьёрну, что, когда разберусь со своими делами, попробую помочь ему в контактах с Рагнаром и сыновьями. То, что в моем распоряжении оказался драккар с хёвдингом самого Бескостного, внушило Халлбьёрну уверенность, что я и с Лотброком – на короткой ноге. Блажен, кто верует. Впрочем, клочок кожи с выжженным тавром ярла я наверняка отработаю.

На обратном пути мы столкнулись с Давлахом Бычком и подаренной Красному Лису блондинистой девкой. Давлаху было велено вернуть девку прежнему владельцу. За деньги, разумеется.

Почему? Да это же очевидно! Женщина на корабле, тем более – одна-единственная – это источник раздоров и мордобития.

Я не понял. Женщина же принадлежит хёвдингу. Разве этого недостаточно, чтобы – никаких поползновений?

Лично мне, заявил Давлах, нет, недостаточно. Разве от этого женщина перестает быть женщиной? Это только вопрос времени, когда он, Давлах, оголодает настолько, что забудет о чинопочитании. И Давлаху совсем не хочется, чтобы хёвдинг задал ему взбучку за неуважение к чужой собственности. Так что лучше избавить его и других от соблазна.

Сказал – и потопал дальше, внушив мне изрядное беспокойство.

Вряд ли сконцы дисциплинированнее ирландцев, и уж точно их уважение к Лейфу не больше уважения ирландцев к Красному Лису. А как же Гудрун?..

Поскольку поделать с этим ничего нельзя, то я постарался загнать мрачные мысли поглубже (днем у меня это получалось) и вернулся на корабль. Часа через полтора мы покинули Оденсе-фьорд датского острова Фюн и двинулись навстречу солнцу.

По самым оптимистическим прикидкам, враги опережали нас на неделю, так что следовало поспешить.

* * *

– Многие говорили мне, что я красив, – Лейф с удовольствием потянулся. – Думаю, тебя радует, что у тебя сейчас такой сильный и красивый мужчина, как я. Твой прежний муж, сказать по правде, был сущим уродом, вот почему ты такая скучная в постели.

Еще там, на Сёлунде, он объявил сконцам, что Гудрун – его жена. Мол, свадебный дар вручен и принят, а для большого обряда сейчас не время и не место. Однако при первой же возможности он, Лейф, принесет положенные дары богам, так что Гудрун теперь – только его и не какая-то там пленница, а свободная женщина. И она – цена за то, что он помог взять поместье. Так договаривались.

Так договаривались, подтвердил юный Эйнар Торкельсон, хотя по нему видно: он уже жалел, что дал слово. Любой мужчина на его месте пожалел бы. Гудрун видела, какие взгляды бросают на нее сконцы. Будь она постарше и знай мужчин так же хорошо, как мать, то поняла бы, что ее оценили по достоинству. Такие, как она, не становятся общей добычей. Таких, как она, сильный мужчина не пожелает делить с другими. Эйнар Торкельсон тоже не стал бы. Но он дал клятву, а за соблюдением клятв следят боги. И наказывают отступников. Лишают удачи.

Впрочем, о том, что удача Эйнара Торкельсона по прозвищу Прыщик оказалась не так уж велика, его хирдманы узнали, когда Северный Змей пришел в Оденсе.

В Оденсе, а не на Сконе, потому что на Северном Змее вовремя заметили корабли со знаменами Рагнара и успели сменить курс.

В Оденсе же они продали большую часть пленников. Лейф предложил оставить до поры до времени лишь нескольких женщин. Мол, цены на них здесь невысоки и стоит их придержать. Собственно, уговорить сконцев оказалось несложно. Особенно когда они узнали, что возвращение домой придется отложить надолго. Ведь Рагнар не только захватил Сконе, но и убил отца Эйнара.

Что, впрочем, не сделало Эйнара ярлом, потому что земли его отца были поделены, причем большая часть их досталась союзнику Торкеля Мьёру-ярлу. Вряд ли тот, кто заграбастал одаль Торкеля-ярла, обрадуется его сыну. И его людям. Так что лучше им всем пока убраться подальше и от Сконе, и от Рагнара. Но – куда?

Северный Змей бросил якорь у южной оконечности острова Фюн, а его команда устроила совет.

Главным по-прежнему считался Эйнар Торкельсон, но вождь из него сейчас был – не очень. Крепости в нем сейчас было не больше, чем в раздавленном крабе. Первый сын и законный наследник, он не мыслил иного будущего, кроме как самому стать ярлом. Вдобавок за смерть отца положено мстить, но мстить Рагнару Лотброку для такого, как Эйнар Прыщик, – все равно, что барсуку надеяться закусать медведя.

Обсуждение планов на будущее проходило практически без участия Эйнара. Да его уже никто и лидером не считал. Старшим Эйнара поставил отец, и почти все присутствующие приносили клятву лично Торкелю-ярлу.

Если ярл умирал, хирдманы снова приносили присягу – уже новому ярлу. Или отправлялись восвояси, если новый вождь их не устраивал. Эйнар – не устраивал. Но у Эйнара был драккар. Северный Змей. Или – не у Эйнара?

Изначально драккар считался военной добычей, хотя взяли его легко. Торкель-ярл сказал: пойдите и возьмите. Вот этот, Лейф Весельчак, покажет, где. Взяли. Будь Торкель жив, драккар считался бы – его. А кто рискнет оспорить? Однако

после мученической кончины ярла и захвата всех его земель у многих немедленно возник вопрос: а почему это драккар, который брали вместе, считается собственностью Эйнара?

Вопрос обсудили и с неудивительным единодушием приговорили: считать драккар коллективным владением. С равными долями у каждого.

Заминка вышла, когда стали рассуждать о том, как поступить с Эйнаром. То есть о том, что его следует отстранить от власти, договорились легко. Спор вышел, когда решали, как с ним поступить дальше: оставить в хирде, высадить на берег (дабы возможный гнев Рагнара не навлечь на себя и родичей, которые остались на Сконе) или попытаться «продать» кому-нибудь из обширной Торкелевой родни, живущей вне Сконе.

Так ни до чего и не докричавшись, решили: сначала надо выбрать хёвдинга. А потом уж он, хёвдинг, пусть решает, как поступить с Торкельсоном.

Выбор вождя – дело серьезное. Так что для начала решили подкрепиться и промочить горло. Сказано – сделано. Благо пива пока еще в достатке.

После обеда приступили к выборам. И сразу стало ясно, что прежние перепалки – это как птичье чириканье в сравнении с медвежьим ревом. Единодушия не было никакого. В вожди желали и Виги Грибок, и Хеги Косолапый, и Фари Старший. Нашлись и такие, что выкрикнули имя Тьёдара Певца…

Словом, переругались жутко, чуть до крови дело не дошло.

Лейф Весельчак в перепалке не участвовал. Он был вполне доволен и собой, и миром. Отгородил часть пространства Северного Змея и расположился в нем со всеми доступными удобствами.

«Наш первый дом, – гордо сообщил он Гудрун, соорудив на палубе драккара эту крохотную палатку. – Здесь, жена, мы будем жить и любить друг друга».

Засим норег с удовольствием воспользовался телом Гудрун, покушал, выпил пива и, гордо воссев на плаще, брошенном на палубную решетку, решил поучить жену правильной семейной жизни. Солнце, бившее сквозь парусину, давало норегу прекрасную возможность любоваться красотой жены, собственными мускулами и иными телесными достоинствами обоих.

– Согласись, такого, как я, легко любить, – говорил он Гудрун. – Клянусь мошонкой Тора, месяца не пройдет, как ты будешь вертеться подо мной, как рыба на перекате, и орать громче, чем раб, которого охаживают плеткой.

Гудрун молчала. На своего нового мужа она старалась не глядеть, чтобы взгляд не выдал ее настоящих мыслей. Сколько раз она боролась с искушением: дождавшись, когда норег, в очередной раз испустив семя, с урчанием раскинется на ложе, воткнуть ему в сердце припрятанный нож. Нельзя. Если она его убьет, то станет потехой для всей ватаги. Сейчас только Лейф и стоит между нею и пьяными похотливыми сконцами. Даже если они не сделают ее такой же общей собственностью, как этот драккар, то стать после смерти Лейфа еще чьей-то наложницей… Нет, убивать норега она пока не будет. Ого, как орут! Как бы до драки не дошло… Нет, Гудрун бы только обрадовалась, если бы сконцы начали друг друга убивать. Но как поступят с ней победители?

Нет, происходящее ей, определенно, не нравилось. Эйнар Прыщик – мелкий поганец. Такого опытный вождь не то что в хольды – в хускарлы не возьмет. Но пока он был главным, им с Лейфом ничего не угрожало. У Лейфа и Эйнара – договор. А вот приди к власти кто-то другой, тот же Грибок или, скажем, Хеги Косолапый, он наверняка пожелает заполучить Гудрун на свое ложе. И не проблема то, что у нее уже вроде бы есть муж. Была жена – стала вдова. Перспектива оказаться под кем-то еще более гнусным, чем предатель Лейф, Гудрун совсем не радовала. Лейф, по крайней мере, утверждает, что любит, и поучает словесно, а не кулаками. И еще: месть важнее всего, но стоит помнить, что Гудрун беременна. Она носит в чреве продолжение рода. И если ей представится возможность и отомстить, и выжить…

– Ты бы лучше послушал, о чем говорят сконцы, – непочтительно прервала очередной поток самовосхваления дочь Сваре Медведя. – Если тебе перережут горло и выкинут за борт, как тебе такое понравится?

– Мне? – изумился норег. – Что за глупости?

Но поскольку был отнюдь не дураком, то не послал Гудрун к воронам, прислушался к жаркому спору снаружи… И принялся поспешно натягивать одежду и бронь.

Гудрун накинула платье, затянула поясок, набросила на голову синий шелковый шарф с бахромой, прихватила обручем.

– Помоги мне! – Лейф возился с застежками панциря.

Помогла. Подала тяжелый пояс с оружием, и Лейф преобразился. Будто оборотень шкуру сбросил. Вернее, надел. Чешуйчатую шкуру воина.

Гудрун вздохнула. Вот теперь норег был действительно красив. Но это ничего не меняло. Он умрет.

Гудрун надела сапожки, выбралась из маленькой палатки и увидела, как Лейф, раздвинув гомонящих сконцев, пробился вперед, к кормовой «раковине». Гудрун вспрыгнула на скамью, чтобы лучше видеть.

– Ого! – воскликнул Лейф, звучно хлопнув по спине здоровенного сконца Хеги Косолапого, как раз в этот момент восхваляющего свои преимущества перед прочими кандидатами. – Да у нас тут, похоже, новый хёвдинг народился. Дай-ка я угадаю: это ты, Косолапый, верно? Давай, давай! Всегда мечтал ходить под знаменом косолапого ярла!

– А ты помалкивай, норег! – рявкнул Косолапый. – У тебя на нашем тинге[11 - Напомню: тинг – это такое общественное собрание свободных скандинавов. Вроде нашего отечественного вече, но организованнее. Формально – это высшая судебная инстанция для всех, даже для конунгов.] слова нет!

– А ты лагман, что ли? – тут же закричал Виги Грибок. – Тут постарше тебя есть и получше!

– Получше, говоришь? – Косолапый ухватился за рукоять секиры. – А ты докажи!

– А ты, Виги, топор не мацай! – Вперед выдвинулся уважаемый многими за поэтический дар Тьёдар Певец. – Грозить ворогам будешь, а тут не смей. Мы тут

все, считай, родичи. А Лейф пусть скажет, я не против. Он – муж опытный и бывалый. Опять же – посторонний. Самое то у постороннего спросить, когда волю богов узнать надо. Говори, Лейф! – поощрил он норега. – А кто тебя затыкать будет, – многозначительный взгляд на Косолапого, – тот по уху схлопочет.

– Это от тебя, что ли? – прищурился Косолапый.

– А хоть бы и от меня! – Фари Старший встал рядом с Певцом.

– А я добавлю! – Младший брат Фари Фастайр, ничуть не уступающий Косолапому габаритами, оказался по другую сторону Тьёдара.

– Ну вы и дурни, – проворчал, стушевавшись, Косолапый, покосившись на своих родичей, отнюдь не горевших желанием вступать в драку, которая не сулила добычи. – Вот доверитесь норегу, а он вас на корм рыбам отправит.

Но его уже никто не слушал. Все глядели на Лейфа.

Весельчак подбоченился.

– Вы все тут – свободные воины, – заявил он. – Славные и храбрые. Но как определить, кто тут лучший?

– Как? – повторил Грибок заинтересованно.

– А кого боги любят, тот и лучший!

– А верно! Верно! – охотно поддержали норега остальные.

– И что с того? – подал голос Хеги Косолапый. – Кто знает, кого боги любят? Ты, что ли?

– Знаю, Косолапый, знаю! – насмешливо отозвался Лейф.

– И кого?

– А вот его! – Палец Лейфа указал на понурого Торкельсона.

– Его-о? – Виги Грибок, который до этого слушал норега с полным одобрением, аж подпрыгнул. – Да я его одним… – Он ринулся вперед и… Оп! Наткнулся на острие Лейфова меча. Очень быстро у него получилось. Хоп – и клинок уже уперся в прикрытую одной лишь шерстяной рубахой грудь Грибка.

– Можно я договорю? – вежливо попросил норег.

Виги скосил глаза на клинок, в котором отражалось небо… и прямая дорога в Асгард, вернул в ножны собственный извлеченный наполовину меч и «великодушно» разрешил:

– Можно.

– Вот и хорошо, – одобрил Лейф. – А то я уж подумал: ты хочешь убить свободного человека. Эйнар! Эйнар Торкельсон! Прошу тебя: отбрось печаль и прими волю богов. Встань!

Эйнар поднял голову, глянул мутно… Но все же послушался – оторвал задницу от скамьи.

– Вот! – Лейф указал мечом на сына ярла. – Вот человек, рожденный, чтобы править, а значит, с рождения одаренный удачей! Глядите на него, воины. Вот кто был и есть наш хёвдинг!

Надо заметить, «рожденный повелевать» по-прежнему выглядел… не слишком браво. Глаза – как у дохлой рыбы. Но до него, наконец, начало доходить, что гибель папы – не только личное горе, но и полная потеря статуса. И теперь придется зарабатывать собственный авторитет.

– Да! – заявил Эйнар Торкельсон по прозвищу Прыщик. – Я и есть ваш вождь!

– Ах ты вождь, значит? – прорычал Хеги Косолапый, который начал понимать, что тройная доля хёвдинга от него уплывает. – Раз так, то по праву, если кто не согласен, он может вызвать тебя на суд стали?

Эйнар затравленно глянул на Лейфа. Хеги был из лучших бойцов хирда. Эйнар против него – щенок.

Лейф не подвел. Осклабился и спросил:

– Верно ли я понял, Эйнар-ярл? Ты хочешь, чтобы я стал твоим бойцом?

– Хочу! – ухватился за предложение Торкельсон, и воинственности у Косолапого враз убавилось. Не то чтобы он был абсолютно уверен, что не справится с норегом… Но для того, чтобы рискнуть жизнью по-настоящему, ему не хватило духу.

– Мало ли кто где родился! – раздался зычный голос Певца. – Много ли удачи было у Торкеля-ярла, когда его убивал Рагнар?

– Ты понимашь! – одобрил Лейф. Вступать в спор с Тьёдаром он не собирался. Наоборот. – Как там было? Против удачи Торкеля была удача самого Рагнара. Тут уж ничья удача не устоит.

– Так почему ты думаешь, что удача Рагнара не съела удачу сына Торкеля? – не дал себя сбить Тьёдар.

– Да потому, что он жив, друг мой! Вот если бы сын унаследовал участь отца, тогда другое дело. Но он стоит перед нами, когда отец его мертв. Но если кто-то считает, что он сам будет лучшим хёвдингом, пусть объявит. И мы попытаем богов, так ли это.

Вызнавать, соответствует ли воля богов тому, что заявил Лейф, никто не рискнул. Среди сконцев норег смотрелся как матерый волк в собачьей своре. То есть среди псов-сконцев были и покрупнее, чем Лейф, и помордастее, но он был волк, а они барбоски. Какое-то мгновение Гудрун даже гордилась, что у нее такой мужчина… Но то было чувство Гудрун-девушки. Нынешняя Гудрун была другой. И видела не своего мужчину, а сильного и опасного врага, которого она непременно убьет. Когда придет время. Трудней будет после этой мести самой остаться в живых. А она – должна. Потому что теперь она будет бороться не только за собственную жизнь, но и за жизнь зачатого Ульфом ребенка. Гудрун была почти уверена: это будет сын. И в нем продолжится кровь отца. Если она выживет.

* * *

– Они были здесь, – сообщил вернувшийся с берега Давлах. – Пять дней назад. Заночевали на берегу, купили овощей, поросят, взяли свежую воду и ушли на восток. Двадцать пять человек и пять женщин, одна из которых очень красива и держится свободно, остальные – тир. Двое местных хотели присоединиться к ним, потому что очень понравился корабль, но хёвдинг отказал. Хёвдинг у них совсем молодой. Зовут Эйнар Прыщик.

– Сын Торкеля-ярла, – проворчал Медвежонок. – Я удивлен. Почему его не выкинули за борт, когда узнали, что ни Торкеля, ни его одаля больше нет?

Я пожал плечами. Не выкинули – и отлично. С таким вождем они станут слабее. Да у них по-любому нет никаких шансов против ирландцев, даже будь нас вдвое меньше. А нас больше. Главное – догнать.

Пока мы разговаривали, отец Бернар снимал бинты с моей руки.

– Эта Рунгерд и впрямь колдунья, – проворчал он, изучая рубцы на моей кисти. – Завтра я вырежу тебе пару деревянных брусков и покажу, что с ними делать. Уверен: уже через седмицу ты сможешь взять меч, а через две – весло.

Если монах сказал, значит, так и будет. Я поглядел на свою руку. В красных рубцах и засохших струпьях выглядела она страшновато. Но я мог шевелить всеми пальцами, а это главное.

– Ты тоже неплохо помог, – сообщил я Бернару, указывая на шрам от стрелы на моем предплечье.

– Господь тебе помог, – буркнул монах. – А ты не хочешь принять Крещение? Махри, может, ты его уговоришь спасти душу?

Красный Лис поглядел на меня… И мотнул головой.

– Прими Христа! – попросил отец Бернар. – Прими Его, Ульф, твоя душа – готова. Прими – и Господь очистит тебя, а твои чаяния сбудутся!

Я колебался. Так и подмывало сказать: «Верни мне Гудрун, Господи, и я стану Твоим!»

Но ведь я уже был крещен когда-то. И Гудрун… Нет, не верю, что мне вернет ее Бог! Только я сам. Но если Он мне ее вернет, если я почувствую прикосновение Чуда… Не мистического действа, как мой Белый Волк, а именно Чуда… Что ж, тогда я крещусь. И быть посему.

* * *

Виги Грибок попытался ухватить Гудрун, когда Лейф стоял у кормила. Гудрун сама его вызвала на это: проходя мимо рума, задела бедром, бросила шаловливый взгляд.

Почему она выбрала именно его? Ну надо же с кого-то начать. Может, потому, что он – самый похотливый из сконцев? И самый наглый… Или потому, что вчера Грибок без всякого повода избил Бетти? Разве та виновата в том, что Давлин Желтобородый воспользовался ею первым? Разве она могла отказать?

Стоило Гудрун дотронуться до Виги и бросить игривый взгляд, как Грибок тут же завелся: убрал одну руку с весла, ухватил Гудрун за пояс, потянул к себе. Она вскрикнула…

Не слишком громко, но достаточно, чтобы услышал державший кормило Лейф.

Лейф услышал.

Драккар, рыскнув, встретил волну скулой, потому что Лейф, бросив рулевое весло, в три прыжка подскочил к обидчику и ударил его ладонью по голове с такой силой, что Грибок свалился со скамьи да так и остался лежать.

«Убил!» – злорадно подумала Гудрун.

Все, кто видел, повскакивали с мест… Кто-то схватился за нож…

Лейф вспрыгнул на скамью, спихнув гребца, выдернул из-за борта щит…

Но драки не получилось.

– А ну назад все! – визгливо закричал Эйнар. – Назад!

Грибок зашевелился, неловко сел, ухватившись за голову… И снова повалился, когда неуправляемый драккар качнуло на крупной волне.

– Ты ударил человека, норег? – закричал Хеги Косолапый, протискиваясь вперед. – Нашего брата ударил, да? Что говорит Закон?

За спиной главного кандидата в новые хёвдинги уже сгрудились его сторонники. Человек пять, не больше. Все – родичи Хеги. И все всё понимали. Грибок и Косолапый терпеть друг друга не могли, но тут – такой повод.

– Закрой пасть, Косолапый! Ты не видел ничего! – неожиданно вступился за Лейфа Тьёдар Певец. – Ты спиной сидел!

– А ты видел, да? – поинтересовался Косолапый уже потише. Тьёдара уважали все. Он не только в бою хорош, но и настоящий скальд. Опять же – человек честный.

– Да, видел! – подтвердил Тьёдар. – Грибок схватил жену норега. А теперь скажи-ка мне, что говорит о таком Закон?

– Виру платить, – буркнул Косолапый. – Да только не жена она норегу. Обряда не было.

– Ты, Косолапый, совсем дурак, да? Свадебный дар принят. Она – его. Он – в своем праве.

Хеги почесал затылок.

– Слышь, Виги, – сказал он кое-как взобравшемуся на скамью Грибку. – Зачем ты ее схватил?

Грибок попытался вспомнить… Но не смог изречь ничего лучшего, кроме…

– Ну это, захотелось…

Неверный ответ. Викинги захохотали. Лейф глядел на ушибленного Грибка, зверски оскалившись…

Драккар опять швырнуло боком, с треском ударились брошенные весла.

– Хёвдинг! – гаркнул Тьёдар. – Что стоишь столбом?

Эйнар спохватился.

– На румы все! – заверещал он. Глянул на Лейфа, но скомандовать не рискнул. Сам бросился к рулевому веслу. Следующую волну Северный Змей встретил как надо. Эйнар Прыщик, несмотря на молодость, был превосходным кормчим. С детства учился.

– Ты как? – с беспокойством спросил норег.

– Когда он меня схватил, я так испугалась… – проговорила женщина жалобным голоском.

– Пусть только попробует еще раз тебя тронуть, и я его убью, – пообещал норег, прижимая к себе Гудрун. – Пойдем-ка, жена, я тебя утешу. Нет лучшего средства от женских страхов, чем поиграть в зверя с двумя спинами.

Увлекаемая мужем Гудрун в последний момент оглянулась, поймала взгляд Грибка… И улыбнулась.

Грибок ухмыльнулся. Он понял намек, как ему показалось.

Но понял неправильно.

«Жаль, что Лейф тебя не убил, – подумала Гудрун. – Нынче ночью я это исправлю. Ты будешь первым, Виги Грибок…»

Так она задумала. Будет убивать их одного за другим, пока не убьет всех. Как ее отец убил всех, кто был виновен в смерти деда Гудрун и его братьев. Но Гудрун – женщина, а не воин Одина. Ей надо быть очень осторожной. Никто не должен догадаться, что это ее месть, пока не останется последний, Лейф. Вот ему Гудрун сама скажет. Когда дойдет черед Лейфа получить в подарок железо. Она скажет ему раньше, чем он умрет. А потом отрежет ему большие пальцы и только тогда отправит в Валхаллу. Но не сидеть за одним столом с богами, а прислуживать ее настоящему мужу, Ульфу Вогенсону. Вряд ли боги откажут ей в этой малой просьбе, ведь месть за родную кровь – священна.

Таковы были ее мечты.

Каждый день Гудрун смотрела на тех, кто сжег ее дом, мысленно представляя, как и в какой черед будет их убивать. Это помогало терпеть и жить дальше. И улыбаться врагам. Брат рассказывал: их отец, Сваре Медведь, не раз бился на хольмгангах. И когда противник кричал всякие хулительные слова, Сваре Медведь не отвечал. Лишь улыбался. А когда Свартхёвди спросил отца: почему ты не отвечаешь на оскорбления? Что в этом смешного? Разве тебе не обидно?

И отец ответил: «Обидно? Нет. Они мертвы. И знают об этом. Но громко кричат, чтобы напугать свой страх. И вот это уже смешно».

Глава девятая

Счет открыт

Я разрабатывал руку палочками, которые вырезал для меня отец Бернар. Жаль, что тут нет китайских шариков тай чи. Вот это было бы самое то.

Рядом, на канатной бухте, сидел Медвежонок и мечтал. Мечты у него были простые. Если сформулировать их суть кратко: Ульф Весельчак как сырье для фондю по-скандинавски. Отличие этого сорта от обычного фондю, которое ешь с друзьями в ресторане, состояло в том, что кусочек мяса сначала обжаривался, а лишь после этого отрезался.

С другой стороны бухты свободные от гребли веселые ирландские парни играли в «поймай ножик». Серьезная игра. Чреватая серьезными травмами, потому что нож бросали хоть и в обусловленные части тела, но – всерьёз.

Нож, правда, был затупленный, что и не преминул отметить Свартхёвди, сопроводив уничижительной характеристикой игровые качества ребят из Страны Густых Туманов.

Слева от нас тянулся скучный каменистый берег. Справа прыгали по волнам дельфины. Будь на месте ирландцев скандинавы – те непременно бы затеяли охоту на «морских свиней», но у ирландцев с дельфинами были связаны какие-то религиозные табу, так что животные были в безопасности.

Я разрабатывал руку, рассеянно слушал бормотание Медвежонка, глазел на дельфинов и думал о Гудрун, когда ко мне подсел Красный Лис.

– Скажи мне, Ульф Вогенсон, сколько тебе лет?

– Тридцать четыре, – ответил я, удивленный вопросом.

– Ты выглядишь моложе.

Это правда. Викинги взрослели быстрее, чем мои современники. И старели тоже. Жизнь такая. Насыщенная. Однако, сойдя на берег, они могли дожить и до семидесяти. Лишь бы достаток позволял. Здоровая порода. Выносливая.

– А мне, – продолжал ирландцец, – уже тридцать семь, и… Скажи мне, Ульф, тебе не надоело ходить лебедиными дорогами?

– Ты имеешь в виду – воевать?

– Да.

Я ответил не сразу. Подумалось: хочу ли я осесть где-нибудь, стать богатым бондом, с любимой женой, детьми, обширной родней…

Нет, не хочу. Даже – с Гудрун. Я из другой эпохи. Без новых впечатлений, знаний, без риска и яркости ощущений я быстро заскучаю.

– Я люблю путешествовать, Мурха. Люблю видеть новое…

– Для этого необязательно быть викингом, – возразил ирландец. – Купец…

Не то чтобы мне было весело, но я не сдержал смешка…

– Что ж ты, Красный, сам не сменишь драккар на кнорр? – вмешался Медвежонок. – Если так думаешь?

– Я бы так и сделал, – вздохнул ирландец. – Но тогда бы такие, как ты, грабили меня, как грабят других христиан. А я этого не хочу. Хотя Богу известно, как мне надоело убивать, а еще больше – жрать солонину и рыбу, пить несвежую воду и спать на палубе.

– А что ты еще умеешь делать так же хорошо, как убивать, хёвдинг из Страны Туманов? Ну если не считать погадить с борта в волну? – поинтересовался Свартхёвди.

– Я умею многое, – не согласился Красный Лис, и вертикальные морщины на его лбу разгладились. – Например, поучить тебя не поучать старших. Но это потом, когда ты поправишься.

– Я испуган! – Медвежонок ухмыльнулся еще шире. – Смотри, как бы в испуге я случайно на тебя не наступил, Лисенок…

Солнце садилось…

* * *

– Раздвинь-ка ножки еще разок! – громко потребовал Лейф. – Сегодня я три раза изливал в тебя свое семя, а теперь сделаю это в четвертый!

Он говорил очень громко. Чтобы все, кто отделены от них тонкой стенкой из парусины, слышали и завидовали.

Он чувствовал себя воином-победителем и не собирался это скрывать.

– Я волью в тебя доброе семя, – бормотал он, навалившись на Гудрун, – от доброго семени родится добрый сын… Я назову его… Сигурд… Да… Сигурд…

Гудрун не открывала глаз. И больше не пыталась представить, что она – с Ульфом. Хотя ей все равно не верилось, что муж… настоящий муж… мертв.

«Что бы ты сказал, норег, если бы увидел ребенка, которого я рожу? Ребенка с волосами черными, как у его отца? – думала Гудрун. – Что бы ты сказал насчет доброго семени? Но ты не увидишь. Ведь ты не доживешь до его рождения. Не должен дожить…»

* * *

– Моя сестра, – сказал Свартхёвди, – она моей крови. – Жаль, что мать не научила ее колдовству, но и без колдовства я бы не позавидовал тому, кто возьмет ее силой. Я сам учил ее управляться ножом, и у нее неплохо получалось. Надеюсь, у нее хватило ума не резать подряд всех, кто потащит ее на ложе. Потому что я не хочу, чтобы с ней обошлись дурно.

– По-твоему, изнасиловать женщину – это хороший поступок? – желчно поинтересовался я.

– От женщины не убудет, если мужчина разок-другой поработает своей ступкой. Лучше таким копьем, чем железным. А плод потом можно и вытравить, так что не горюй! – Свартхёвди хлопнул меня по спине. – Поверь, когда мы изловим Весельчака, отрежем ему детородный орган, поджарим и заставим его сожрать, Весельчаку будет не до веселья. Придет наша очередь посмеяться! – Медвежонок ухмыльнулся и изобразил, как он осуществляет описанную выше операцию. В подробностях. Ирландские хольды, расположившиеся рядом с нами, захохотали и принялись подкидывать идеи: как именно можно приготовить данное блюдо. Идеи были одна другой отвратительней.

– А можно его просто убить? – поинтересовался я.

– Просто? Ха-ха-ха! Убить такого, как Лейф Весельчак, очень даже непросто! – заявил Медвежонок. – Нам с тобой придется как следует потрудиться, пока он сдохнет! Ха-ха-ха!

Отличная шутка. Как раз в духе викингов. Но я – неправильный викинг, потому что мне не смешно, а больно.

* * *

Ночью, когда ушла луна, Гудрун тихонько выбралась из-под парусины.

Человек, посаженный у кормила, свесил голову на грудь. Его лицо было скрыто капюшоном, так что заметить Гудрун он никак не мог.

Женщина криво усмехнулась. Когда Северный Змей принадлежал Ульфу и ее брату, такое было невозможно: чтобы оставленный бдить – заснул. Но из Эйнара – никудышный хёвдинг. Мало родиться сыном ярла, чтобы подчинить себе людей.

Хотя сконцы теперь, благодаря Лейфу, – другого мнения. Они все неплохо нажились на том, что награбили в ее поместье. И пленников взятых продали выгодно, так что теперь у каждого в кошеле было никак не меньше пяти марок серебром. Все они чувствовали себя могучими воинами.

Гудрун видела, как новоиспеченные викинги из Сконе разглядывают встречные корабли. У каждого на уме: нельзя ли поживиться?

Но каждый понимает: здешние воды – неподходящее место для разбоя. Слишком людно. Особенно в это время, осенью. Понимают, но глаза горят алчностью.

Гудрун нашарила под скамьей бурдюк с пресной водой и подмылась. Трудно женщине на корабле. Хорошо хоть она здесь – не единственная. Когда сконцы продавали пленников, то женщин-англичанок они продавать не стали. По совету Лейфа. И теперь у них есть женщины для плотской потехи. Они бы наверняка продали англичанок, если бы знали, что те – мастерицы-ткачихи. Но об этом

знали только Гудрун, Лейф и сами рабыни. Лейф знал, но не хотел, чтобы Гудрун была единственной женщиной на драккаре. Гудрун промолчала потому, что не хотела, чтобы сконцы нажились, а Бетти, единственная из англичанок, говорившая на языке севера, смолчала, потому что так решила Гудрун. Впрочем, Бетти и слушать бы не стали: рабыня открывает рот, только когда ей велят.

В общем, сконцы так и не узнали, что потеряли добрых два десятка марок серебром… Из которых Лейфу причиталось бы никак не меньше трех плавленых эйриров[12 - Эйрир – крупная серебряная монета. Примерно восьмая часть марки, то есть граммов на тридцать. Впрочем, ее покупательная способность определялась не только весом, но и составом. Плавленый эйрир – это монета из хорошего «плавленого» серебра, а вот эйрир «бледный» – из вторсырья, он подешевле.], но он предпочел безопасность.

Он очень хитер, Лейф Весельчак, и у него был план, которому он следовал. Гудрун не знала, что это за план, но чувствовала: каждое действие норега – не просто так. Он движется к своей цели. А Гудрун – к своей. К которой сейчас станет на один шаг ближе.

Море успокоилось. Драккар медленно дрейфовал по течению. Тут хорошее течение. Оно несло корабль точно на восток, и не было опасности, что их прижмет к берегу или посадит на мель. Босиком, ступая совершенно бесшумно, аккуратно перешагивая через спящих, Гудрун добралась до скамьи, на которой спал Виги Грибок. Она еще с вечера запомнила, где он спит.

Присев у нужного рума, Гудрун разбудила спавшую между скамей Бетти, которую Грибок теперь старался не отпускать от себя. Многим это не нравилось, но Виги побаивались. Он был опасным человеком. Говорили, что он однажды зарезал своего врага спящим прямо в доме ярла Торкеля. Все знали, что это он, даже ярл, но доказать не могли. А ярл Грибку так ничего и не сделал, потому что ценил. Хитрость Виги была Торкелю так же полезна, как мощь берсерка Хавгрима Палицы. Именно Грибок должен был присматривать за Эйнаром, когда тот уходил куда-нибудь без отца.

Бетти проснулась, когда Гудрун коснулась пальцами ее рта.

– Это я, – шепнула Гудрун. – Молчи. И пусти меня на свое место.

Бетти послушно скользнула в проход.

Гудрун проползла между румами и легонько коснулась бороды Виги. Тот дернул щекой и всхрапнул. Гудрун подумала: дотронься она так до Ульфа или до брата – они проснулись бы мгновенно. Да что там… Они проснулись бы, едва она остановилась бы рядом со гребной скамьей. И эти люди считают себя настоящими викингами!..

Гудрун легонько щелкнула сконца по носу. Ну наконец! Виги разлепил мутные спросонья глаза и сразу раскрыл пасть, чтобы заорать, но Гудрун шепнула:

– Тише, это я, – и Грибок орать не стал. Потянулся было: схватить, но вспомнил об осторожности. Приподнялся, осмотрелся: нет ли рядом свирепого норега. Убедился, удачливого соперника поблизости нет. Ночь темна. Все спят. Значит, самое время получить то, о чем мечтаешь.

А раз так, то он тут же облапил женщину, притиснул, прохрипел:

– Чувствуешь моего грибка? Нравится, какой он твердый?

– Да, – шепнула Гудрун, подбавив в голос хрипотцу, как это делала мать, когда хотела заинтересовать мужчину.

Ей без труда удалось продемонстрировать возбуждение, хоть интереса к Грибку-мужчине Гудрун не испытывала. Зато она хотела его убить. И вот это возбуждало. До дрожи. Но сконец не понял, думал, она дрожит потому, что хочет его.

Пока он ее лапал, Гудрун нащупала рукоять ножа, который висел у Виги на поясе. Сконец спал, не снимая пояса. Впрочем, многие так спали, не только он.

Пока ручищи Грибка мяли ее ягодицы, Гудрун искала нужное место у него под мышкой. Гудрун знала, куда нужно нанести смертельный удар. И знала, как нужно держать нож, чтобы он без помех прошел между ребрами и достал до сердца. И она точно знала, что будет потом. Из горла убитого таким ударом спустя несколько мгновений хлынет кровь. Прямо на нее. А так не годится. Как объяснить, почему Грибка нигде нет, а твоя одежда – в крови?

Грибок тискал ее уже одной рукой, потому что второй пытался распустить завязки штанов. Он ее не боялся. С чего бы? Зачем чужая женщина может прийти к мужчине, если только не за тем, чтобы он ей вставил? Ему невдомек, что бывает и наоборот.

Гудрун нацелила острие на нужное место и надавила.

Нож вошел на удивление легко. Хороший нож. Виги хорошо его наточил. Гудрун чувствовала, как разрывается плоть и холодное железо погружается в тело. И еще Гудрун почувствовала, как жар наполняет нижнюю часть живота. Похожее возбуждение она чувствовала, когда пальцы Ульфа касались ее лона перед соитием…

В этот миг она поняла, почему месть называют сладкой.

Но времени прислушиваться к ощущениям не было.

– Если железо пробьет сердце, – говорил брат, – мужественный воин может успеть нанести один удар. Берсерк – несколько, а обычный мужчина – ни одного. Боль лишит его силы.

Виги Грибок, несмотря на грозное имя[13 - Виги – от скандинавского vig, что значит «война», «сражение» и тому подобное. Весьма популярное имя среди викингов, надо отметить.], оказался обычным. Задохнулся от боли и будто окоченел.

Гудрун ухватила его за пояс, поднатужилась и перекинула через борт. Раздался громкий плеск…

И тишина. Ни один из сконцев не проснулся.

– Не говори никому, – на всякий случай шепнула Гудрун англичанке. Она тихонечко вернулась на корму, юркнула под парусиновый навес, устроилась у норега под боком и мгновенно уснула.

Глава десятая

Поединок

Сон пришел ко мне под утро. Сначала в нем был лес. Самый обычный, со зверями и птицами. Я бежал через него уверенно, будто по компасу. И я был тут главным. Никто из здешних обитателей не посмел бы бросить мне вызов. Даже птицы смолкали при моем приближении… И мне это нравилось, потому что я не охотился. Если бы я охотился, никто не увидел и не услышал бы меня.

Я спешил к цели и достиг ее, когда стены леса раздвинулись, и мне открылся край земли и лежащая под ним бесконечность.

Я подошел к краю и увидел протянувшуся над бездной радугу. Не знаменитый мост Биврёст, соединяющий Срединный мир Мидгард с Асгардом, миром богов. Обычную радугу, родившуюся из солнца и водяной пыли низвергавшегося со скал потока.

Я встал у края, борясь с искушением – прыгнуть… Но тут меня толкнули в бок. Волчица с шерстью белой, как первый ноябрьский снег. Мне показалось, я узнаю ее, подругу моего Волка…

Я понял ошибку, когда увидел ее глаза. Человеческие. Глаза Гудрун. И это было так страшно и чудовищно, что я закричал, толкнулся от края и полетел сквозь радугу туда, где серебро падающей воды обращалось в черные каменные зубья…

* * *

Смерть Грибка огорчила немногих. Никто не заподозрил Лейфа, потому что у того не было оснований убивать Виги. Норег его наказал, и делу конец. Скорее Виги мог попытаться подло убить Лейфа, а уж никак не наоборот. Об этом говорили сконцы, обсуждая пропажу земляка. Никто не заподозрил и Гудрун, что неудивительно. А о Бетти и говорить нечего. Представить, что запуганная рабыня способна поднять руку на воина? Скорее небо с землей местами поменяются.

В общем, Виги не стало, и никто не хотел особо выяснять, куда он делся. Сошлись на том, что после молодецкой оплеухи норега у Грибка что-то повредилось в голове, и он просто выпал за борт.

– Пропал Грибок и его вонь – вместе с ним, – напутствовал земляка Хеги Косолапый…

Гудрун решила: он станет второй жертвой.

И немедленно пустила в ход женскую магую. Нет, не ту, которая – от тайных рун, мудрых слов и ведьминского варева. Самую простую, идущую от жестов и взглядов.

Косолапый попался легко. Умом он не блистал, зато силенку имел недюжинную, воином слыл славным, привык, что девки к нему льнут.

Несколько брошенных искоса взглядов, ласковая улыбка, язычок, вовремя облизнувший губки, случайное прикосновение рукава…

Гудрун следила за тем, чтобы никто, особенно Лейф, не заметил ее стараний. И у нее получилось. Суток не прошло со смерти Грибка, как Хеги Косолапый обрел уверенность в том, что жена Лейфа Весельчака к нему неравнодушна. Более того, он думал, что это видят все. В том числе и сам Лейф. Видят и ничего не предпринимают. Значит, нет никаких препятствий, чтобы ответить на женский зов.

И, выбрав момент, когда Лейф отвернулся, Хеги игриво похлопал Гудрун по заду. Гудрун скромно потупилась, проскользнула мимо здоровенного сконца… и мимоходом игриво цапнула его за причинное место.

Страсть Хеги немедленно взыграла, и он попытался сгрести Гудрун саженной ручищей, уверенный, что та не станет уклоняться. Однако Гудрун увернулась, чуть слышно пискнув:

– Не трогай меня…

Как раз в тот момент, когда Лейф обернулся.

Норег действовал по обыкновению стремительно. Мгновенно оказавшись между Гудрун и Косолапым, он ухватил сконца за косицу, упер ему чуть пониже уха острие ножа и поинтересовался ласково:

– Ты куда руки тянешь, свиной помет? Хочешь, чтобы я их укоротил?

Косолапый, однако, не испугался. Перехватил запястье норега и без особого усилия отжал нож от своей шеи…

И после этого еще раз убедился, что силенок у него побольше, чем у соперника. И можно двигаться дальше. Физическая сила много значит в Скандинавии. Кто сильней, тот и прав. А кто прав, тому самое лучшее. В том числе и лучшие женщины.

Чтобы убедиться в верности этой нехитрой мысли, Косолапый поглядел на укрывшуюся за спиной Весельчака Гудрун. Та прищурилась и еле заметно кивнула. Дерзай – и я твоя.

Этого обмена взглядами опять-таки не видел никто, кроме них двоих. Все глазели на сцепившихся викингов.

– Руки убрал, норег! – с угрозой прорычал Хеги Косолапый. – Отрублю и к щиту прибью!

– Ого! – развеселился Лейф. – Кудлатая шавка вообразила себя волком! Это славно! – Он отпустил сконца. – Я выбираю меч и щит!

– Я не допущу хольмганга! – завопил Эйнар, побагровев. – Это вам не тинг! Я – ваш хёвдинг!

Вопль проигнорировали.

– Оружие – без замены! – потребовал Хеги. Плечистый, кривоногий, могучий как кузнец-цверг из нижнего мира[14 - Цверг (или дверг) – в скандинавской мифологии это что-то вроде гнома.], он славился сокрушительным ударом. – Секира и щит!

– Вы не будете драться! – Эйнар Торкельсон втиснулся между воинами: – Хеги дотронулся до твоей жены… Что ж, он заплатит виру, и делу конец!

– С чего это я буду платить? – возмутился Косолапый. – Сам сказал: мы не на тинге, а ты – не лагман! Да она сама хотела! Все видели…

Бац!

Губа Косолапого лопнула, кровь смочила бороду.

Кровь пролилась. Вот теперь ни о каком примирении и речи быть не могло.

Эйнар, мрачный, подошел к оружейному ящику и отпер замок.

Вскоре Северный Змей, сойдя с курса, неторопливо двинулся вдоль берега, высматривая подходящую мель.

Нашли. Осадка не позволила драккару подойти близко, так что спустили за борт лодку.

Противники разом взялись за весла и вскоре уже стояли лицом к лицу на полоске песка шириной шага в четыре и длиной примерно в десять. Поединок решили считать «чистым». То есть свободным от кровной мести и верегельдов. Если Косолапый убьет Лейфа, то – верегельд все равно брать не с кого. А если Лейф убьет Косолапого и откажется платить верегельд, то родичам убитого придется вызвать Лейфа на поединок. С очевидным результатом, потому что среди сконцев здесь не было никого сильнее Хеги.

Гудрун смотрела на хольмганг, стоя на одном из средних румов. Вокруг толпились сконцы. Дочь Сваре Медведя впервые оказалась в окружении сконцев одна, без Лейфа. Но ей не было страшно. Она всю жизнь прожила среди викингов, таких же свирепых убийц, как эти. Гудрун интуитивно понимала: чтобы тебя не считали призом, куском лакомой женской плоти, надо выглядеть твердой. И бесстрашной. Тогда в тебе увидят не пленницу, а женщину Севера. Если не сестру, то – подругу. Ту, чьи права защищены обычаями, законами и богами.

Люди Севера ценят своих женщин. Но только своих.

Гудрун положила руку на плечо сконца, оказавшегося рядом: Тьёдара Певца. Тот даже не заметил. Глядел на медленно сходящихся поединщиков и бормотал что-то… Может, вису слагал?

…Косолапый не выдержал первым. Заревел по-бычьи, по-бычьи же наклонил голову и налетел. Щит Лейфа треснул от могучего удара…

…А от удара норега треснул позвоночник Косолапого, когда тот по-журавлиному изящным движением ушел в сторону, одновременно подставляя противнику щит и перекрывая обзор. Так что, когда секира сконца развалила щит, Лейфа за ним уже не было. Обойдя сконца, Лейф выпустил щит, который упал, увлекая за собой увязшую секиру, а затем рубанул с двух рук, со всей возможной силой. Такой удар не остановила бы самая лучшая бронь, даже металлическая «доска», а уж обшитая железными бляшками куртка Хеги годилась для защиты от Лейфова клинка не больше, чем льняная рубаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Одаль – наследственный семейный надел.

2

Напомнинаю, что Асы – высшие божества скандинавской мифологии.

3

Ваны – тоже скандинавские боги. С Асами то в союзе, то в войне. Но в целом – позитивны. В отличие от великанов-йотунов, например.

4

«Сунуть ногу в сапог» – часть обряда, по которому новичков принимали в род. Или в хирд.

5

Тир – рабыня, трэль – раб.

6

Гунгнир – копье Одина, Мьёлльнир – молот Тора. Их знаки носят приверженцы скандинавской традиции.

7

Воин-всадник в средневековой Франции.

8

В Саге о Хальфдане Черном сказано: «…конунг в Хрингарики звался Сигурд Олень. Он был статнее и сильнее других людей. Он был также очень красив с виду. Его отцом был Хельги Смелый, а матерью – Аслауг, дочь Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны». То есть сага сдвигает время рождения Рагнара Лотброка минимум лет на сорок. Но поскольку правил Хальфдан все же в середине девятого века, а не в начале десятого, то я закрою глаза на внутрисаговую хронологию.

9

Фюльк (фюльке) – в современной Норвегии – административная территориальная единица, а в веке девятом – более-менее автономная земля под правлением либо местного конунга, либо наместника конунга.

10

Микльгард – Константинополь.

11

Напомню: тинг – это такое общественное собрание свободных скандинавов. Вроде нашего отечественного вече, но организованнее. Формально – это высшая

судебная инстанция для всех, даже для конунгов.

12

Эйрир – крупная серебряная монета. Примерно восьмая часть марки, то есть граммов на тридцать. Впрочем, ее покупательная способность определялась не только весом, но и составом. Плавленый эйрир – это монета из хорошего «плавленого» серебра, а вот эйрир «бледный» – из вторсырья, он подешевле.

13

Виги – от скандинавского vig, что значит «война», «сражение» и тому подобное. Весьма популярное имя среди викингов, надо отметить.

14

Цверг (или дверг) – в скандинавской мифологии это что-то вроде гнома.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-mazin/tanec-volka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить